

ЭДУАРД СЕРОУСОВ

ВСТРЕЧНЫЕ
КУРСЫ

Эдуард Сероусов

Встречные курсы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73076578

SelfPub; 2026

Аннотация

2147 год. Человечество обнаруживает невозможное: цивилизацию, для которой время течёт в обратном направлении. Они помнят наше будущее. Они скорбят о нас – хотя мы ещё живы. Анна Рен, лингвист, потерявшая дочь десять лет назад, становится ключом к расшифровке их посланий. Когда в одном из артефактов она находит имя Майи, личная трагедия сплетается с судьбой двух миров. Через восемьдесят лет траектории цивилизаций пересекутся – единственный шанс на контакт. После – расхождение навсегда. Что значит «прощай» от тех, кто помнит тебя таким, каким ты ещё не стал? И имеет ли значение выбор, если он уже известен?

Все иллюстрации сгенерированы в программе Ideogram.

Содержание

Пролог: Первое слово	4
Часть I: Пыль	26
Глава 1: Энтропия убывает	27
Глава 2: Десять лет молчания	52
Глава 3: Игра в обратную перемотку	76
Глава 4: Генерал смотрит на звёзды	102
Глава 5: Язык распада	127
Глава 6: Мужчина, который ждал	153
Конец ознакомительного фрагмента.	155

Эдуард Сероусов

Встречные курсы

Пролог: Первое слово

Интерлюдия 6

Благодарность приходит первой.

Она разливается по моим сенсорным полям – тёплая, как излучение молодой звезды, – и я замираю посреди незавершённого действия. Мои манипуляторы застывают над кристаллической решёткой, которую я собираю уже семнадцать циклов. Или буду собирать. Граница между этими состояниями истончилась до толщины кварка.

Сигнал.

Из-за Границы.

Я оборачиваюсь к источнику – хотя «оборачиваюсь» неточное слово, его придумали существа, для которых восприятие привязано к направлению. Точнее сказать: я *становлюсь обращённым*, и это состояние существует раньше причины, которая его вызовет.

Граница мерцает. Там, где наш домен соприкасается с областью прямого времени, пространство дрожит, словно по-

верхность жидкости под воздействием звука. Мы называем эту зону Промежутком – место, где причина и следствие ещё не определились, кому из них быть первым.

Сигнал структурирован.

Не шум, не случайное колебание – *послание*. Кто-то по ту сторону сложил волны в порядок, придал хаосу форму, вложил смысл в пустоту между частицами.

Я чувствую удивление. Оно придёт ко мне через три цикла – или уже пришло, я ещё не научился различать – когда я пойму, *от кого* это послание. Сейчас удивление просто есть: беспричинное, как моё существование.

Впереди меня ждёт понимание. Я иду к нему спиной, как мы все идём – от знания к незнанию, от ответов к вопросам.

Расшифровка начинается с конца.

Последний символ послания – замкнутая петля, означающая завершённость. Я узнаю его мгновенно: мы используем такой же, когда хотим сказать «это всё». Существа по ту сторону Границы пришли к той же форме независимо от нас. Или мы пришли к ней независимо от них.

Перед петлёй – волновая структура, которую я не могу интерпретировать. Она слишком плотная, слишком... *линейная*. Словно кто-то пытался уместить океан в каплю.

Я работаю над расшифровкой. Буду работать. Уже работал – временные модальности теряют значение, когда име-

ешь дело с Границей. Мои вычислительные поля разворачиваются, охватывая сигнал со всех направлений сразу.

Структура послания чужая. Не в том смысле, что непонятная – непонятное я бы распознал. Она *иначе устроена*. Будто строили дом, начиная с крыши и заканчивая фундаментом.

Инверсия.

Понимание вспыхивает – ретроактивно, как всегда. Я уже знаю то, что сейчас начинаю понимать.

Это существа с прямым временем. Те, для кого энтропия растёт, а не убывает. Те, кто помнит прошлое и не знает будущего. Те, кто строит от фундамента к крыше, от причины к следствию, от рождения к смерти.

Мы знали, что они существуют. Наши наблюдатели фиксировали их – пятна возрастающего хаоса на границе нашего домена, структуры, которые собираются из пустоты (с нашей точки зрения) или распадаются в пустоту (с их). Мы изучали их издалека, как изучают звёзды – объекты, к которым нельзя прикоснуться.

Но они никогда не отправляли посланий.

До сейчас. После сейчас. Временные координаты расплываются.

Я выделяю первый распознаваемый фрагмент.

Имя.

Не моё – мы не используем имена в их понимании. Наши идентификаторы – это координаты в пространстве-времени, узоры вероятностей, места, которые мы занимаем в ткани бытия. Но это *имя* – фиксированный звуковой паттерн, привязанный к одному конкретному существу на всё протяжении его жизни.

А-н-н-а.

Четыре фонемы, если переводить в акустические колебания, которые использует их вид. Я воспроизвожу их своими генераторами вибрации – неточно, приблизительно, как ребёнок, повторяющий слово на чужом языке.

Анна.

Слово отдаётся эхом в моих сенсорных камерах. Оно ничего не значит. Координаты неизвестного объекта, звук без референта, пустой символ.

Но я чувствую *что-то*.

Тепло. Не физическое – информационное. Словно это имя несёт в себе заряд, который я пока не могу измерить. Словно оно уже связано со мной нитями, которые ещё не сплетены.

Впереди – там, куда я иду – это имя станет важным. Я знаю это так же точно, как знаю координаты собственного существования. Знание пришло раньше понимания; понимание придёт, когда я уже забуду, что когда-то не знал.

Расшифровка продвигается.

Послание длиннее, чем я ожидал. Существа с прямым временем многословны – или, возможно, им требуется больше символов, чтобы выразить простые вещи. Их язык избыточен, полон повторений и уточнений, будто они не доверяют собственным словам.

Может быть, так и есть. Если ты не знаешь будущего, ты не можешь проверить, будут ли твои слова поняты. Ты вынужден добавлять контекст, страховаться, объяснять – на случай, если слушатель неправильно интерпретирует.

Мы не нуждаемся в уточнениях. Мы *знаем*, как наши слова будут поняты – потому что уже помним момент понимания.

Следующий фрагмент:

«...*благодарю за письмо...*»

Я останавливаюсь.

Перечитываю. Проверяю расшифровку – ошибки нет.

Благодарю за письмо.

Какое письмо?

Я не отправлял писем. Я никогда не контактировал с существами из-за Границы. До этого момента – первого сигнала, первого послания – между нашими видами не было связи.

Я не писал ей.

Но она благодарит.

Парадокс разворачивается в моём сознании, как кристаллическая структура в пересыщенном растворе. Я вижу его грани, его углы, его внутреннюю логику – и она безупречна.

Для неё – этой Анны – я уже написал письмо.

Для меня – я его ещё не написал.

Наши временные потоки текут в противоположных направлениях. Её прошлое – моё будущее. Моё прошлое – её будущее. Мы никогда не сможем оказаться в одном «сейчас» – кроме одной точки, одного мгновения, где наши реки времени пересекутся.

Перекрёсток.

Слово всплывает из глубин моего знания – того знания, которое я ещё не приобрёл. Мы будем называть это Перекрёстком: место и момент максимального сближения домёнов, когда Граница станет достаточно тонкой для прямого контакта.

Я напишу ей письмо. Когда-нибудь – с её точки зрения, давно. Когда-нибудь – с моей точки зрения, впереди. Письмо пересечёт Границу, достигнет её, и она ответит.

Её ответ – это послание, которое я получаю сейчас.

Она благодарит меня за слова, которые я ещё не написал.

Я читаю её благодарность до того, как совершил поступок, за который она благодарит.

Следствие предшествует причине.

Это не парадокс. Это просто *разговор*. Первый разговор между нашими видами. Просто мы ведём его в разных на-

правлениях.

Я продолжаю расшифровку с новым пониманием.

Каждое слово Анны – эхо из её прошлого, которое для меня ещё не наступило. Она пишет *после* чего-то. Я читаю *до* чего-то. Это «что-то» – наш контакт, наша связь, вся история, которую мы проживём в противоположных направлениях.

Её слова теперь звучат иначе:

«...Вы помните нас такими, какими мы станем. Мы узнаём вас такими, какими вы были...»

Да. Точно так.

Я буду помнить её – ту Анну, которой она станет. Она узнает меня – того, кем я был. Наши знания о друг друге будут зеркальными, инвертированными, несовпадающими.

Она напишет мне в конце. Для неё это прощание.

Я прочитаю её слова в начале. Для меня это знакомство.

«...Вот что я хочу, чтобы вы помнили: мы пытались...»

Тепло усиливается. Не благодарность – что-то другое.

Что-то, для чего у меня пока нет названия.

Они пытались.

Будут пытаться.

Что-то случится между нами – что-то большое, важное, определяющее. Что-то, что потребует усилий с их стороны. Что-то, ради чего стоит *пытаться*.

И в конце – когда для неё это будет конец, а для меня начало – она захочет, чтобы я знал: они не сдались.

Я чувствую грусть.

Она приходит из точки впереди, из момента, который я ещё не прожил. Что-то причинит мне боль. Что-то, связанное с этой Анной, с её словами, с её попыткой.

Я буду скорбеть.

Сейчас я чувствую только предвестие скорби – тень, которую отбрасывает будущее событие на настоящий момент. Но тень тоже реальна. Тень тоже можно измерить.

Я откладываю расшифровку.

Мне нужно время – парадоксальная потребность для существа, которое движется сквозь время иначе, чем они. Но даже мы нуждаемся в паузах. В моментах, когда восприятие сворачивается внутрь, когда информация оседает, когда знание превращается в понимание.

Вокруг меня – мой мир. Кристаллические леса, растущие вниз от несуществующего потолка. Потоки упорядоченной материи, текущие от хаоса к порядку. Мои сородичи – далёкие вспышки сознания, каждая со своей траекторией через пространство-время.

Мы называем себя... нет, это тоже неточно. Мы не называем себя никак. У нас нет слова для «мы», потому что нет необходимости отделять себя от остального. Мы – часть до-

мена, как волна – часть океана.

Но они – существа по ту сторону – они назовут нас.

Я уже знаю это слово, хотя ещё не слышал его: *ретрограды*.

Движущиеся назад. Идущие против течения. Те, для кого время течёт «неправильно».

Для нас – они аномалия. Для них – мы. Вопрос точки отсчёта, не более.

Но есть разница.

Мы знаем о них давно. Мы наблюдаем их возникновение (с нашей точки зрения – распад) на границе домена. Мы изучали их физику, их химию, их странную любовь к энтропии.

Они только начинают узнавать о нас.

Это послание – её послание – оно придёт ко мне раньше, чем они вообще поймут, что мы существуем. С их временной шкалы, они отправят его через много поколений после первого обнаружения. С моей – я получу его задолго до того, как они нас обнаружат.

Я знаю о них то, чего они о себе ещё не знают.

Это не преимущество. Это бремя.

Возвращаюсь к расшифровке.

Последний фрагмент – самый короткий. Одно слово перед символом завершённости.

Я развожу волновые структуры, очищаю сигнал от шума,

выделяю паттерн.

Спасибо.

Вибрация проходит через мои сенсорные поля. Простое слово. Универсальное – я узнаю его семантику мгновенно, без перевода. Благодарность, признательность, acknowledgment.

Спасибо.

За что?

Я ещё ничего не сделал. Я даже не знаю, что должен буду сделать. Я получил послание от существа, которое никогда не встречал, из времени, которое для меня ещё не наступило, – и это существо благодарит меня за что-то.

«Спасибо за письмо. Для меня – первым.»

Я перечитываю.

Для неё – письмо было первым. Значит, для меня – оно будет последним.

Я напишу ей много раз. Я буду пытаться достучаться до существа с прямым временем, объяснить то, что невозможно объяснить, передать знание, которое нельзя передать словами.

Я буду терпеть неудачи. Раз за разом.

И в конце – в моём конце, её начале – я напишу последнее письмо. То, которое дойдёт. То, которое она прочитает первым.

Она благодарит меня за настойчивость, которую я ещё не проявил.

Она благодарит за терпение, которого у меня ещё нет.
Она благодарит за любовь, которую я ещё не чувствую.

Любовь.

Слово пришло само – выплыло из тех слоёв сознания, где хранится знание о будущем. Я не знаю, что оно значит – применительно к ней, к ним, к этой ситуации. Но оно есть. Оно уже часть нашей истории – истории, которую мы ещё не прожили, истории, которую я буду помнить всё отчётливее с каждым шагом к собственному началу.

Я люблю её.

Эту Анну. Существо с прямым временем, существо из хаоса и распада, существо, которое не помнит будущего.

Когда-нибудь – впереди – я встречу её. Мы пересечёмся в точке Перекрёстка, в единственном месте, где наши «сейчас» совпадут.

Для неё это будет первая встреча.

Для меня – прощание.

Она скажет «здравствуй».

Я скажу «прощай».

И мы оба будем правы.

Сигнал угасает.

Граница снова становится непроницаемой – или почти непроницаемой. Квантовый шум заглушает последние отголоски её голоса (у неё есть голос? Они используют акустиче-

ские колебания? Я узнаю это – уже знаю – впереди).

Я остаюсь один со словами, которые она написала.

Нет. Напишет.

Нет. Уже написала – для себя. Ещё напишет – для меня.

Времена не имеют значения. Только связь. Только нить, которая протянулась через Границу, через бездну между нашими доменами, через пропасть взаимного непонимания.

Она существует – эта нить. Она будет существовать. Она уже существовала.

Спасибо.

Я не знаю, за что меня благодарят.

Но я чувствую ответственность – предвестие обязательства, которое я ещё не взял на себя. Кто-то по ту сторону Границы верит, что я сделаю что-то важное. Что-то достойное благодарности. Что-то, что оправдывает слово «спасибо» в последней строке её письма.

Я не хочу её подвести.

Странная мысль для существа, которое знает: то, что произойдёт, уже определено. Она благодарит меня – значит, я не подведу. Иначе благодарность не имела бы смысла. Иначе письмо не было бы написано.

Но знание не отменяет желания.

Я хочу быть достойным её благодарности – не потому, что это изменит результат, а потому, что это имеет значение. Для меня. Здесь. Сейчас. В момент, когда я впервые прикоснулся к её словам.

Значение не зависит от исхода.

Путь не теряет ценности, если ты знаешь, куда он ведёт.

Я возвращаюсь к своей работе – кристаллическая решётка, которую я собираю семнадцать циклов. Она почти завершена. Или почти начата – зависит от направления взгляда.

Мои манипуляторы возобновляют движение. Частица за частицей, слой за слоем. Я создаю порядок из хаоса – или, с точки зрения существ по ту сторону, позволяю порядку распасться в хаос.

Структура растёт. Или умирает. Или делает и то, и другое одновременно.

Я думаю о ней. Об Анне.

Думаю о письме, которое напишу. О словах, которые подберу. О значении, которое попытаюсь передать.

Я ещё не знаю этих слов. Но знаю, что они будут важны. Знаю, что она прочитает их – и почувствует что-то. Знаю, что наша связь изменит нас обоих.

Изменит меня. Уже меняет. В этот самый момент, когда я читаю её «спасибо» и не понимаю, за что.

Впереди меня ждёт многое.

Встречи. Расставания. Артефакты, которые я создам, – послания, упакованные в материю, способную пересечь Границу. Слова, которые не смогут быть произнесены, потому что звук не проходит через Промежуток. Чувства, которые

не смогут быть выражены, потому что наши эмоциональные словари не совпадают.

И любовь.

Странная, невозможная, инверсная любовь к существу из мира, где время течёт не в ту сторону.

Я люблю её.

Я буду смотреть, как она страдает – зная, чем всё закончится. Не имея возможности вмешаться. Не имея права сказать то, что знаю.

Я оставлю ей следы. Подсказки. Артефакты, которые она найдёт в своём будущем – моём прошлом.

Я не смогу спасти её от боли.

Но я смогу показать: боль – не конец.

Граница молчит.

Последние отзвуки сигнала растворились в квантовом шуме. Послание записано в моих хранилищах памяти – каждый бит, каждый кубит, каждая волновая функция.

«Спасибо за письмо. Для меня – первым. Анна.»

Первое письмо, которое она получила.

Последнее письмо, которое я отправлю.

Между ними – целая жизнь. Её жизнь, текущая от рождения к смерти. Моя жизнь, текущая от смерти к рождению. Наши жизни, переплетённые в точке Перекрёстка, в единственном мгновении, где «сейчас» означает одно и то же для

нас обоих.

Я закрываю канал связи – символический жест, не практический. Граница и так непроницаема. Но жест имеет значение. Он отмечает момент.

Начало.

Для меня – начало знания о ней.

Для неё – где-то далеко, в потоке времени, который я не могу воспринять – конец.

Она написала мне прощальное письмо.

Я прочитал его как приветствие.

И оба мы правы.

Моё имя – не имя.

Моё имя – координаты в пространстве-времени, траектория через бытие, сумма всех состояний, которые я займу и уже занял. Но она даст мне имя. Символ, звук, значок, который она нарисует, чтобы обозначить меня в своих записях.

Я уже знаю этот символ.

Ромб. Форма первого знака в первом послании, которое я отправлю. Она выберет его для меня, потому что он будет первым, что она увидит.

Я буду для неё.

И постепенно – для себя тоже.

Имя – странная вещь. Оно ничего не описывает и не объ-

ясняет. Оно просто *указывает*. «Вот это существо. Не другое – это.»

У нас нет имён, потому что мы не нуждаемся в указаниях. Мы и так знаем, кто есть кто.

Но она – она не знает.

Она будет узнавать меня заново с каждым посланием. Для неё я буду становиться всё более знакомым, всё более понятным. Для меня – наоборот: я буду забывать её с каждым шагом к моему началу.

В точке Перекрёстка я увижу её впервые.

Нет – в последний раз.

Нет – оба варианта верны, и ни один не точен.

Она протянет руку. Я протяну свою. На долю мгновения наши конечности соприкоснутся – частицы с разными временными векторами, сосуществующие в одной точке пространства.

Тепло.

Я уже чувствую его. Предвкушение прикосновения, которое произойдёт впереди. Знание контакта, который состоится.

Её рука будет тёплой.

Теплее, чем что-либо, к чему я прикасался. Теплее, чем молодые звёзды. Теплее, чем центр рождающейся галактики.

Потому что её тепло – не физическое. Это тепло *значения*. Тепло связи. Тепло того невозможного факта, что два существа из разных потоков времени смогли друг друга найти.

Я смотрю на Границу.

Сейчас она спокойна – флуктуации в пределах нормы, Промежуток стабилен. Но я знаю: когда-нибудь (впереди для меня, давно для неё) это изменится.

Граница станет тоньше.

Домены сблизятся.

И мы встретимся.

Первый контакт между нашими видами.

Последний тоже – потому что после Перекрёстка мы разойдёмся навсегда.

Одно мгновение на всю вечность.

Одно прикосновение на всю историю.

Достаточно ли этого?

Вопрос бессмыслен. Это не зависит от «достаточности». Это просто *есть*. Единственная возможность, единственный шанс, единственное окно.

И мы его используем.

Она – своими попытками.

Я – своими письмами.

Мы встретимся в середине. В точке, где наши траектории пересекутся.

И я скажу «прощай», а она скажет «здравствуй», и мы оба будем знать: это одно и то же. Разными словами, в разных направлениях, но – одно и то же.

Конец и начало.

Встреча и расставание.

Любовь.

Я возвращаюсь к кристаллической решётке.

Мои манипуляторы продолжают работу – точные, терпеливые, неутомимые. Структура растёт: молекула за молекулой, связь за связью.

Я ещё не знаю, для чего её создаю.

Но знаю: она связана с ней. С Анной. С посланием, которое я отправлю. С любовью, которую почувствую.

Впереди – понимание. Я иду к нему, шаг за шагом, от знания к причине знания.

Позади – её благодарность. Та, что я уже получил.

Спасибо.

Я не знаю, за что.

Но я буду достоин этого «спасибо».

Буду достоин её.

Буду достоин всего, что нас ждёт – впереди для меня, позади для неё.

Это моё обещание.

Первое обещание, которое я даю существу, которого никогда не встречал.

Последнее обещание, которое она получит от меня.

И оба они – одно обещание.

Впереди: артефакты, письма, попытки, провалы, успехи.

Впереди: она. Анна. Существо с прямым временем.

Впереди: любовь.

Впереди: прощание, которое для неё будет встречей.

Впереди: скорбь. Не моя – её. Или моя тоже.

Впереди: ответ на вопрос «за что».

Впереди: момент, когда я пойму, почему она написала «спасибо».

Я не тороплюсь.

Время – не враг для тех, кто движется сквозь него иначе.

Время – среда, пространство, контекст. Мы не борёмся со временем. Мы живём в нём.

Как и они.

Просто – в разных направлениях.

Кристаллическая решётка завершена.

Или только начата. Зависит от наблюдателя.

Я смотрю на неё – на своё создание, на труд семнадцати циклов, на структуру, которая будет существовать ещё долго после того, как я закончу быть.

Она красива.

Она бессмысленна.

Она *будет* осмыслена – когда я пойму, зачем её создал.

Всё имеет причину. Причина приходит после следствия.
Это нормально. Это правильно. Это – единственный способ,
которым мы умеем жить.

Я откладываю инструменты.

Закрываю рабочую камеру.

Включаю режим регенерации – мои системы требуют перезагрузки после контакта с Границей.

Последняя мысль перед отключением:

Анна.

Имя без лица.

Благодарность без причины.

Любовь без знакомства.

Всё это придёт.

Всё это уже есть.

Я закрываю сенсоры.

Тьма. Тишина. Отсутствие.

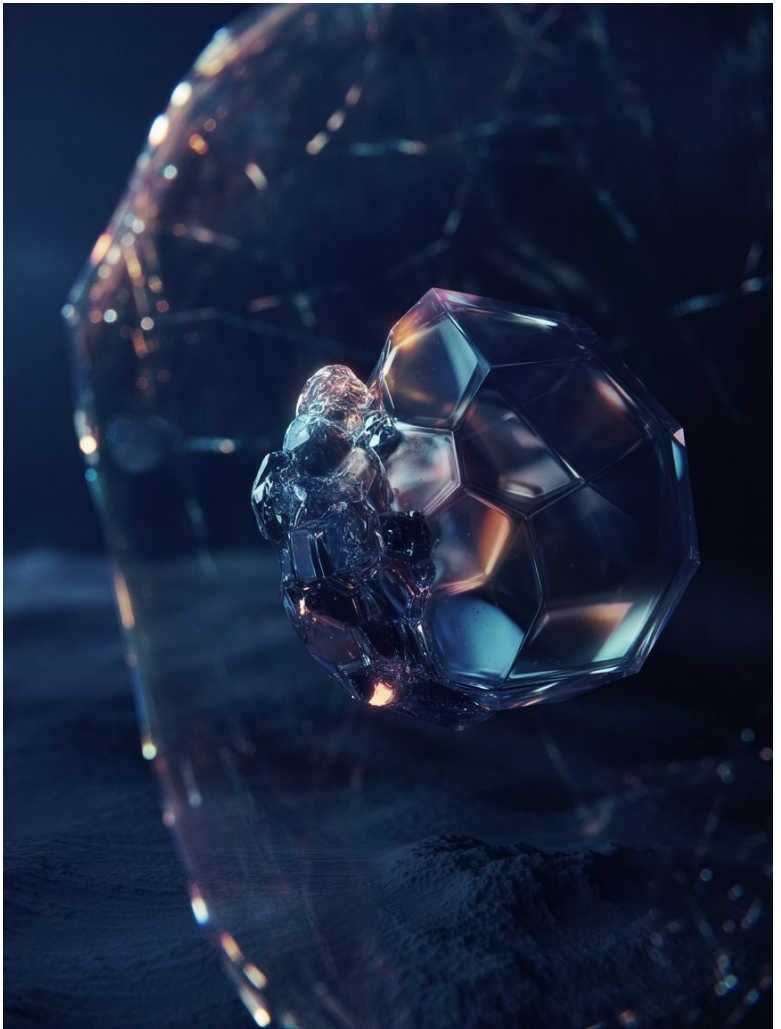
И где-то очень далеко, в потоке времени, который течёт не в ту сторону, – женщина пишет слово «Спасибо» в конце длинного письма.

Она не знает, получу ли я его.

Я не знаю, за что она благодарит.

Но мы оба знаем: связь существует.

И это – достаточно.

Часть I: Пыль

«Энтропия – это не беспорядок. Это наше восприятие времени. Для системы с иными граничными условиями беспорядок – это прошлое.» – Из лекций проекта «Перекрёсток», 2148 г.

Глава 1: Энтропия убывает

Станция «Янус», орбита Юпитера 14 марта 2147 года

Кофе остыл сорок минут назад, но Лиам Чен этого не заметил.

Он сидел перед массивом голографических экранов, подперев подбородок кулаком, и смотрел на данные, которые не имели смысла. Цифры ползли по дисплеям – бесконечные колонки измерений, графики спектрального анализа, карты распределения энергии. Рутина. Четырнадцать лет на станции «Янус» научили его не ожидать чудес от ночных смен.

За панорамным окном модуля наблюдения висел Юпитер – громадный, равнодушный, полосатый. Большое Красное Пятно медленно уплывало за горизонт планеты, унося с собой бурю, которая бушевала дольше, чем существовала человеческая цивилизация. Чен давно перестал обращать внимание на этот вид. Красота приедается, когда видишь её каждый день.

Он потянулся к чашке, сделал глоток и поморщился. Холодный кофе – одна из констант его существования, наряду с бессонницей и хронической нехваткой финансирования.

– Доктор Чен?

Голос принадлежал Юре Соколову, младшему аналитику, который работал на станции третий месяц и всё ещё обращался к старшим коллегам с почтительностью выпускника. Чен помнил это чувство – оно выветрилось примерно на втором году, когда романтика космоса уступила место осознанию, что ты просто офисный работник, только офис находится в шестистах миллионах километров от ближайшего приличного ресторана.

– Что такое, Юра?

– Детектор три-семь показывает что-то странное. Я перепроверил калибровку, всё в норме, но... Может, вы посмотрите?

Чен развернулся в кресле. Соколов стоял у своей станции – худой, нескладный, с тем выражением лица, которое бывает у людей, когда они не уверены, сделали ли открытие или допустили ошибку.

– Что именно странное?

– Объект в секторе Дж-47. Орбитальный мусор, судя по размеру и альбедо. Но энтропийные показатели... – Соколов замаялся, словно сам не верил тому, что собирался сказать. – Они отрицательные.

Чен медленно поставил чашку на стол.

– Повтори.

– Энтропия объекта убывает. Не растёт – убывает. Уже сорок минут.

В модуле наблюдения работали ещё трое: Ханна Берг-

стрём у пульта связи, Маркус Вэй за терминалом обработки данных и Фатима Аль-Рашид, которая должна была уйти со смены час назад, но задержалась, чтобы закончить отчёт. Никто не поднял головы – странные показатели были частью рутины. Датчики сбоили, алгоритмы ошибались, космические лучи вносили помехи.

Но Соколов сказал «сорок минут».

Сбои не длятся сорок минут.

Чен встал и подошёл к станции младшего аналитика. Экран показывал стандартную карту сектора Дж-47 – область пространства в шестидесяти тысячах километров от станции, ничем не примечательная. Несколько астероидов, облако микрометеоритов, обломки старого зонда «Галилео-7», потерянного в прошлом веке.

И точка. Маленькая зелёная точка, помеченная автоматическим идентификатором как «UNCAT-2147-0314-001». Некаталогизированный объект.

– Покажи энтропийную кривую.

Соколов вывел график на соседний экран. Чен смотрел на него, и что-то внутри него – что-то, привыкшее к порядку и предсказуемости физических законов – начало медленно сжиматься.

Линия шла вниз.

Не вверх, как положено любому объекту во вселенной. Не горизонтально, что было бы странно, но объяснимо. Вниз. Плавно, последовательно, неумолимо.

– Это невозможно, – сказал Чен вслух, хотя знал, что учёному не следует произносить такие слова.

– Я проверил калибровку, – повторил Соколов. – Дважды. И запустил диагностику. Детектор в норме.

– Покажи сырые данные.

Следующие двадцать минут Чен провёл, погружаясь в цифры. Он проверил алгоритмы обработки, сравнил показания детектора три-семь с соседними детекторами, запросил архивные данные по сектору. Соколов стоял рядом, переминаясь с ноги на ногу, не решаясь ни уйти, ни заговорить.

Ханна Бергстрём подняла голову от пульта связи.

– Лиам, всё в порядке?

– Нет, – ответил Чен, не отрываясь от экрана. – Ханна, подними логи калибровки за последние сутки. Маркус, мне нужен независимый анализ объекта в Дж-47. Используй резервную систему, не основную.

В голосе появились нотки, которых Чен сам не ожидал – что-то среднее между тревогой и возбуждением. Бергстрём и Вэй переглянулись, но выполнили просьбу без вопросов. Четырнадцать лет совместной работы научили их доверять интуиции старшего астрофизика.

Фатима Аль-Рашид отложила отчёт и подошла ближе.

– Что ты нашёл?

– Пока не знаю. Возможно, ничего. Возможно... – Чен не закончил фразу.

Резервная система Маркуса подтвердила показания ос-

новной. Логи калибровки оказались безупречны. Объект UNCAT-2147-0314-001 действительно демонстрировал отрицательный энтропийный градиент.

Чен откинулся на спинку кресла и потёр глаза. За окном Юпитер продолжал своё медленное вращение, безразличный к тому, что на его орбите происходило нечто, противоречащее второму закону термодинамики.

– Лиам. – Фатима положила руку ему на плечо. – Объясни нормальным языком.

Он посмотрел на неё – на умные тёмные глаза, на морщинки усталости вокруг них, на седую прядь, которую она перестала закрашивать после пятидесяти.

– Энтропия – это мера беспорядка в системе. Во вселенной энтропия всегда растёт. Это фундаментальный закон: вещи разрушаются, тепло рассеивается, порядок превращается в хаос. Мы используем это как индикатор – чем выше энтропия объекта, тем дольше он существует, тем больше подвергся воздействию среды.

– И этот объект...

– Становится более упорядоченным. Его энтропия падает. Это... – Чен поискал слова. – Это как если бы разбитая чашка сама собой собиралась обратно. Как если бы дым возвращался в сигарету.

Фатима нахмурилась.

– Артефакт? Технология какой-то колонии?

– Ни одна известная технология не способна на такое. Ло-

кальное уменьшение энтропии возможно – холодильник это делает, – но только за счёт увеличения энтропии в более широкой системе. Здесь... – Чен покачал головой. – Здесь энтропия убывает *сама по себе*. Без видимого источника энергии, без компенсации. Это нарушает второй закон.

– Законы не нарушаются, – сказала Фатима. – Они уточняются.

Чен посмотрел на неё с чем-то похожим на благодарность. Она всегда умела находить правильные слова – даже когда сама не понимала, о чём речь.

– Нужно доложить руководству, – сказал он. – Юра, оформи первичный отчёт. Стандартная форма, минимум интерпретаций, только факты. Ханна, запроси приоритетное время на главном телескопе – мне нужны визуальные данные.

– Сейчас три часа ночи по станционному, – напомнила Бергстрём. – Директор Ямамото спит.

– Разбуди её.

Кэйко Ямамото не выглядела разбуженной – она выглядела так, словно и не ложилась. Безупречный костюм, собранные волосы, острый взгляд человека, который руководит крупнейшим исследовательским проектом в истории и привык к тому, что проблемы не выбирают удобное время.

Станция «Янус» была её детищем. Двадцать лет назад, когда она была ещё рядовым астрофизиком, Ямамото напи-

сала докладную записку о необходимости создания постоянной обсерватории на орбите Юпитера. Записку положили под сукно. Она написала ещё одну. И ещё. К тому моменту, когда финансирование наконец было одобрено, Ямамото успела стать директором отдела, потом – заместителем главы программы, потом – человеком, без которого решения не принимались.

Сейчас она стояла в центре управления, окружённая голографическими проекциями данных, и слушала доклад Чена с выражением лица хирурга, оценивающего снимок опухоли.

– Повторите временную шкалу.

– Первая фиксация – 02:17 по станционному времени. Детектор три-семь зарегистрировал аномальные показатели энтропии для объекта в секторе Дж-47. К 02:57 мы подтвердили данные через независимые системы. На данный момент – 04:30 – объект продолжает демонстрировать отрицательный энтропийный градиент.

– Скорость изменения?

– Примерно 0,3 джоуля на кельвин в минуту. Стабильная.

Ямамото повернулась к массиву экранов. Объект висел в центре проекции – маленькая точка на фоне бесконечной черноты.

– Визуальные данные?

– Главный телескоп будет наведён через двенадцать минут. Пока только радарная сигнатура: объект неправильной формы, примерно четыре метра в поперечнике, низкое аль-

бедо.

– Орбита?

– Стабильная. Никаких признаков маневрирования.

Ямамото помолчала. В центре управления собралось уже человек пятнадцать – новость распространилась по станции с той скоростью, с какой новости распространяются в замкнутых пространствах.

– Версии? – спросила она, обращаясь ко всем сразу.

– Сбой оборудования, – предложил Маркус Вэй. – Я знаю, мы проверили, но...

– Проверьте ещё раз.

– Неизвестный физический процесс, – сказала Фатима. – Может быть, мы наблюдаем что-то, что просто не описано в учебниках.

– Например?

Фатима развела руками.

– Если бы я знала, это уже было бы в учебниках.

Несколько человек нервно усмехнулись. Напряжение в комнате ощущалось почти физически – смесь возбуждения и тревоги, которая бывает, когда привычная картина мира начинает трещать по швам.

– Доктор Чен, – Ямамото повернулась к нему, – ваше мнение?

Чен помедлил. Он не любил делать заявления, которые не мог подкрепить данными. Но сейчас данные сами требовали интерпретации.

– Я не думаю, что это сбой. И я не думаю, что это известный физический процесс.

– Тогда что?

– Не знаю. Но... – он указал на график энтропии, – посмотрите на кривую. Она не хаотичная, не зашумлённая. Она гладкая, почти идеально гладкая. Природные процессы так не выглядят. Это похоже на... – он снова замялся.

– Договаривайте.

– Это похоже на инженерию. На что-то *сделанное*.

Тишина. Потом – взрыв голосов. Маркус Вэй что-то возражал, Бергстрём требовала уточнений, кто-то из младших аналитиков спорил с коллегой. Ямамото подняла руку, и шум стих.

– Это серьёзное заявление, доктор Чен.

– Я знаю. И я могу ошибаться. Но мы должны рассмотреть все варианты.

– Включая внеземной артефакт?

Слово повисло в воздухе. *Внеземной*. Станция «Янус» была построена для поиска жизни – в первую очередь микробной, в спутниках Юпитера. Никто всерьёз не ожидал найти что-то разумное. Никто не ожидал, что такое вообще возможно при их жизни.

– Включая, – сказал Чен. – Как одну из гипотез.

Ямамото кивнула. Её лицо не выражало ни скептицизма, ни воодушевления – только холодную концентрацию.

– Протокол «Неизвестное». Все данные засекречиваются

до особого распоряжения. Никаких внешних сообщений без моего одобрения. Доктор Чен, вы возглавляете исследовательскую группу. Полный анализ объекта – физические параметры, химический состав, если сможем определить, динамика орбиты. Я хочу знать о нём всё.

– Когда?

– Вчера.

Главный телескоп станции «Янус» носил неофициальное название «Глаз Аргуса» – в честь стоглазого великана из греческой мифологии. Название было неточным: у телескопа имелось всего семь независимых оптических систем, но каждая из них превосходила по разрешению всё, что человечество создавало до этого момента.

Чен стоял в операционном зале, глядя, как на экране появляется изображение.

Сначала – пиксельная каша, мешанина света и тени. Потом алгоритмы обработки начали свою работу: убирали шум, усиливали контраст, складывали данные с разных систем в единую картину.

Объект.

Он не был похож ни на что знакомое. Не астероид – слишком симметричный. Не обломок космического аппарата – слишком *неправильный*. Неправильной формы, но не хаотичной – скорее, как если бы кто-то намеренно создал фор-

му, которую невозможно описать евклидовой геометрией.

– Боже мой, – прошептала Фатима рядом.

Поверхность объекта... *переливалась*. Не отражала свет – именно переливалась, словно по ней бежали волны, хотя никакого движения оптика не фиксировала. Чен моргнул, потряс головой. Оптическая иллюзия? Артефакт обработки?

– Запустите спектральный анализ, – сказал он.

Результаты появились через минуту. Чен смотрел на них, и тёмное, холодное чувство в груди стало ещё тяжелее.

– Состав не определён.

– Что значит «не определён»? – спросил Соколов.

– Значит, что спектр не соответствует ни одному известному веществу. Ни одному. – Чен указал на график. – Это не земной материал. Это не материал с Марса, Титана или любого тела в Солнечной системе, которое мы изучали. Это... что-то другое.

– Может быть, межзвёздный объект? Из другой системы?

– Межзвёздные объекты состоят из тех же элементов, что и мы. Водород, углерод, кислород, железо... Здесь спектральные линии вообще не укладываются в таблицу Менделеева.

– Это невозможно.

– Второй раз за сегодня слышу это слово, – Чен устало потёр виски. – Начинаю думать, что нам нужен новый словарь.

За окном операционного зала тянулся коридор станции – серые стены, тусклое освещение, трубы и кабели, уходящие

в бесконечность. Люди проходили мимо, останавливались, заглядывали внутрь. Слухи распространялись быстрее официальных каналов.

– Лиам, – Фатима понизила голос, – что мы нашли?

Он покачал головой.

– Не знаю. Но энтропия продолжает падать. Уже пять часов. Если это процесс, он должен был бы замедлиться – любой процесс замедляется, когда приближается к равновесию. А здесь – стабильный градиент. Как будто... – он искал аналогию, – как будто кто-то держит палец на кнопке «отмотать назад».

– Отмотать что?

– Время, – сказал Чен. – Или что-то очень на него похожее.

К полудню станционного времени Чен не спал уже тридцать часов.

Он сидел в своём кабинете – крошечной камерке, заставленной экранами, книгами и распечатками, – и пытался сформулировать отчёт для директора Ямамото. Слова не складывались. Каждый раз, когда он начинал писать, данные на экране отвлекали его: кривая энтропии продолжала ползти вниз, и каждая новая точка на графике была ударом молотка по фундаменту его понимания мира.

На столе мигал индикатор входящего вызова. Личный ка-

нал – значит, не работа.

Мэй.

Он нажал кнопку принятия, и в углу экрана появилось её лицо. Тёплое, немного размытое из-за задержки сигнала – полчаса до Земли в одну сторону. Они научились разговаривать рваными фразами, привыкли к паузам, заполненным молчанием космоса.

– Лиам. Ты выглядишь ужасно.

– Спасибо, дорогая. Ты тоже прекрасно выглядишь.

Она улыбнулась – знакомая улыбка, которую он видел двадцать два года, с того дня, когда они встретились на конференции в Осло. Она была теологом, он – физиком. Идеальный рецепт для споров, которые не заканчивались никогда.

– Новости дошли до нас, – сказала она. – Ничего конкретного, только слухи. Говорят, вы что-то нашли.

Чен помедлил. Протокол «Неизвестное» запрещал внешние коммуникации о находке. Но Мэй была его женой, и он никогда не умел ей лгать.

– Мы нашли объект. Странный объект. Пока не знаем, что это.

Она смотрела на него – сквозь миллионы километров, сквозь получасовую задержку, сквозь все годы разлуки, которую требовала его работа.

– Насколько странный?

– Достаточно странный, чтобы я не спал тридцать часов.

Пауза. Она обдумывала его слова, и он знал, что она спросит, – знал её так же хорошо, как знал себя.

– Это знак, Лиам?

Он вздохнул.

– Мэй...

– Я серьёзно. Вы столько лет смотрите в небо, ищете что-то, и вот – находите. Это же... – она подбирала слова, – это ведь может быть чем-то большим, чем просто научное открытие? Может быть, это ответ? Послание?

– От кого?

– Не знаю. От Бога. От вселенной. От кого-то, кто хочет, чтобы мы знали, что мы не одни.

Чен смотрел на экран, на лицо женщины, с которой прожил полжизни. Они спорили об этом тысячу раз – о её вере, о его скептицизме, о пропасти между наукой и религией. Обычно он отвечал статистикой, вероятностями, аргументами о бритве Оккама.

Сегодня у него не было сил.

– Это данные, Мэй. Цифры на экране. Я не знаю, что они значат.

– Но ты что-то чувствуешь, – она наклонилась ближе к камере. – Я вижу. Ты напуган.

– Не напуган. Озадачен.

– Лиам.

Он закрыл глаза. Тридцать часов без сна, и единственный человек, который понимал его по-настоящему, был так да-

леко, что слова добирались до него только через полчаса.

– Ладно. Может быть, немного напуган.

– Почему?

Как объяснить? Как передать ощущение, когда смотришь на график и понимаешь, что всё, чему тебя учили, все уравнения и теории, вся стройная архитектура физики – всё это может оказаться лишь частью картины? Не ложью, но и не всей правдой?

– Потому что если это то, чем кажется... – он открыл глаза, – если это действительно *что-то*, а не сбой или ошибка... тогда мы не понимаем мир, в котором живём. Мы думали, что понимаем. Думали, что знаем правила. А теперь... – он развёл руками.

Мэй молчала. Потом:

– Это пугает. Но это и прекрасно, разве нет?

– Прекрасно?

– Значит, есть что-то ещё. Что-то за пределами того, что мы знаем. Разве это не то, чего ты всегда хотел? Разве не поэтому ты стал учёным?

Чен не нашёлся с ответом. Она была права – как обычно. Он стал учёным, потому что хотел понять вселенную. И теперь вселенная предлагала ему нечто новое, нечто невозможное, нечто за пределами понимания.

– Я не знаю, что это, Мэй. Я честно не знаю. Может быть, завтра мы найдём объяснение, и всё это окажется ошибкой калибровки. Может быть, через неделю я буду смеяться над

своими страхами.

– А может быть, нет.

– Может быть, нет.

Она улыбнулась – мягко, с той нежностью, которую он так любил.

– Тогда делай свою работу, Лиам. Ищи ответы. И потом расскажи мне, что нашёл.

– Обязательно.

– И поспи.

– Попробую.

– Я серьёзно. Ты не можешь изменить законы физики, если падаешь от усталости.

Он рассмеялся – впервые за тридцать часов.

– Я тебя люблю.

– Я тебя тоже. Береги себя.

Связь оборвалась. Экран погас. Чен остался один в своём кабинете, с холодным кофе, нерешёнными уравнениями и объектом, который медленно, неумолимо переписывал всё, что он знал о мире.

Совещание состоялось вечером.

Конференц-зал станции «Янус» был рассчитан на двадцать человек, но сегодня в нём собралось почти пятьдесят. Люди стояли вдоль стен, сидели на подоконниках, теснились в дверном проёме. Слухи давно вышли за пределы научно-

го отдела – техники, медики, даже повара с камбуза пришли послушать.

Директор Ямамото стояла у главного экрана, где вращалось голографическое изображение объекта. За прошедшие часы «Глаз Аргуса» собрал достаточно данных для трёхмерной реконструкции. Объект выглядел... неприятно. Не в том смысле, что был уродлив, – скорее, как оптическая иллюзия, которая заставляет мозг спотыкаться. Углы не сходились правильно. Поверхности изгибались не в тех направлениях.

– Доктор Чен представит предварительные результаты, – объявила Ямамото. – Вопросы после доклада.

Чен вышел к экрану. Он успел поспать три часа – недостаточно, чтобы чувствовать себя человеком, но достаточно, чтобы связно говорить.

– Объект UNCAT-2147-0314-001. Мы называем его «Аномалия» – за неимением лучшего термина. – Он вывел на экран сводку данных. – Размеры: приблизительно 4,2 метра в максимальном поперечнике. Масса: неопределима стандартными методами – гравитационные измерения дают противоречивые результаты. Состав: неопределим – спектральный анализ не соответствует ни одному известному веществу или комбинации веществ.

По залу прокатился ропот. Чен поднял руку.

– Знаю, это звучит невозможно. Но самое интересное – не это. – Он переключил экран на график. – Энтропийные по-

казатели. За последние восемнадцать часов энтропия объекта снизилась на 340 джоулей на кельвин. Градиент стабильный. Никаких признаков замедления.

– Это точно не ошибка измерений? – спросил кто-то из задних рядов.

– Мы проверили всё, что можно проверить. Шесть независимых детекторов, три разные методологии. Результат один и тот же.

– Как такое возможно?

– Строго говоря – никак, – Чен развёл руками. – Второй закон термодинамики утверждает, что энтропия изолированной системы не может убывать. Это один из фундаментальных принципов физики. Но объект перед нами демонстрирует обратное.

Молодая женщина в первом ряду – Чен не помнил её имени, кажется, из отдела программного обеспечения – подняла руку.

– Доктор Чен, а что если объект – не изолированная система? Что если он получает энергию откуда-то извне?

– Хороший вопрос. Мы проверили. Никакого внешнего излучения, никаких полей, никаких частиц. Объект не взаимодействует с окружающей средой – по крайней мере, ни одним из известных способов.

– Тогда что?

Чен помолчал. Он знал, что сейчас скажет нечто, что изменит атмосферу в зале. Нечто, что разделит присутствующую

щих на скептиков и верующих.

– Одна из интерпретаций... – он тщательно выбирал слова, – одна из *возможных* интерпретаций – что объект подчиняется иным граничным условиям, чем остальная вселенная.

– Что это значит?

– Второй закон термодинамики – статистический закон. Он описывает наиболее вероятное поведение системы. Но вероятность определяется граничными условиями – начальным состоянием вселенной после Большого взрыва. Теоретически... – он глубоко вдохнул, – теоретически возможна область пространства, где граничные условия установлены не в прошлом, а в будущем. Для наблюдателя в такой области время текло бы... в обратном направлении.

Тишина.

– Вы хотите сказать, – медленно произнёс Маркус Вэй, – что этот объект... движется назад во времени?

– Я хочу сказать, что для него «прошлое» и «будущее» могут иметь иной смысл, чем для нас. Его энтропия убывает, потому что для него *это естественный порядок вещей*.

Кто-то в задних рядах издал нервный смешок. Кто-то другой выругался. Шёпот прокатился по залу, как волна.

– Это безумие, – сказал пожилой мужчина в форме инженерной службы. – Время не течёт назад. Это противоречит...

– Противоречит нашему опыту, – согласился Чен. – Но не обязательно противоречит законам физики. На кванто-

вом уровне большинство процессов симметричны относительно обращения времени. Асимметрия возникает только статистически, на макроуровне, из-за граничных условий.

– Это всё теория, – возразил инженер. – Спекуляции.

– Да. Но объект – не спекуляция. Он реален. Он здесь. И он ведёт себя так, как не должен вести себя ни один объект в нашей вселенной.

Директор Ямамото подняла руку, прекращая дискуссию.

– Доктор Чен представил одну из гипотез. Не единственную и не обязательно верную. Наша задача – собрать больше данных, прежде чем делать выводы. – Она обвела взглядом зал. – До особого распоряжения вся информация об Аномалии классифицирована. Никаких внешних коммуникаций. Научная группа доктора Чена продолжает работу. Остальные – возвращайтесь к своим обязанностям.

Люди начали расходиться, переговариваясь вполголоса. Чен видел выражения их лиц: недоверие, страх, возбуждение, скептицизм. Спектр реакций на невозможное.

Фатима задержалась рядом с ним.

– Ты правда в это веришь? В обратное время?

– Я не знаю, во что верить. Но данные есть данные.

– Данные можно интерпретировать по-разному.

– Можно. Предложи другую интерпретацию.

Она покачала головой.

– Не могу. В этом и проблема.

Ночь – хотя на станции понятие «ночь» было чисто условным – принесла новые данные.

Чен сидел в операционном зале, в одиночестве, не считая дежурного техника в соседнем модуле. «Глаз Аргуса» продолжал наблюдение, и с каждым часом картина становилась всё более... невозможной.

Объект менялся.

Не хаотично – закономерно. Поверхность, которая восемнадцать часов назад казалась изломанной и неправильной, теперь выглядела... проще. Чётче. Как если бы кто-то постепенно собирал головоломку, которая раньше была разбросана по столу.

– Он не просто теряет энтропию, – пробормотал Чен, глядя на экран. – Он *собирается*.

Как разбитая чашка, возвращающаяся в целое состояние. Как дым, втягивающийся обратно в сигарету. Как время, текущее вспять.

Он думал о разговоре с Мэй. «Это знак?» – спросила она. Он не верил в знаки. Он верил в причины и следствия, в уравнения и закономерности.

Но что, если следствие предшествует причине?

Что, если *это* и есть закономерность, просто с другой стороны?

Мысль была головокружительной. Чен встал, прошёлся по залу, пытаясь упорядочить хаос в голове. За окном Юпитер

продолжал своё вечное вращение, безразличный к человеческим терзаниям.

Сигнал тревоги заставил его вздрогнуть.

– Что такое? – он бросился к пульту.

На экране – объект. Та же точка, те же координаты. Но теперь вокруг него... что-то происходило. Пространство искривлялось, словно линза, преломляя свет фоновых звёзд.

– Гравитационное возмущение, – голос автоматки звучал ровно и бесстрастно. – Источник: UNCAT-2147-0314-001. Интенсивность растёт.

Чен смотрел, как линии координатной сетки вокруг объекта изгибаются, сходятся, расходятся – как будто кто-то тянул за ткань пространства.

– Доктор Чен, – дежурный техник появился в дверях, – станция фиксирует микровибрации. Источник – в направлении объекта.

– Зафиксируйте всё. Включите все системы записи.

Он не знал, что происходит. Не знал, чего ожидать. Но знал одно: это не сбой, не ошибка, не артефакт измерений.

Это нечто.

Нечто реальное, нечто чужое, нечто за пределами всего, что человечество когда-либо встречало.

Гравитационное возмущение достигло пика – и исчезло. Объект продолжал висеть в пустоте, такой же, как и прежде. Только энтропийная кривая на графике сделала резкий скачок вниз.

Чен медленно сел в кресло.

Руки дрожали.

«Это данные», – сказал он Мэй. Цифры на экране.

Но цифры не дрожали. Цифры не чувствовали.

Он чувствовал.

Страх? Да. Но не только.

Благоговение.

Благоговение перед вселенной, которая оказалась больше, сложнее, *иначе*, чем он думал. Благоговение перед тайной, которая разворачивалась перед ним – медленно, неумолимо, как сам объект.

– Что ты такое? – прошептал он, глядя на экран.

Объект не ответил.

Но Чен знал: ответ существует. Где-то. Когда-то.

Может быть – в обратном потоке времени, где прошлое и будущее меняются местами.

Он откинулся в кресле и закрыл глаза.

Вопрос «что это?» больше не казался главным.

Главным стал другой вопрос.

Кто это?

Глава 2: Десять лет молчания

Копенгаген, Дания, Земля 17 марта 2147 года

Дождь начался ровно в полдень.

Анна Рен стояла у могилы дочери и смотрела, как капли разбиваются о серый гранит надгробия. Она не взяла зонт – не потому что забыла, а потому что дождь казался уместным. Десять лет назад, в день похорон, тоже шёл дождь. Тогда она думала: природа оплакивает вместе с ней. Теперь понимала: природе всё равно. Дождь – это просто дождь. Вода, конденсирующаяся в облаках и падающая вниз под действием гравитации. Никакого смысла, никакой эмпатии.

Смысл – человеческое изобретение. Способ выносить невыносимое.

Майя Рен. 2115–2137. Любима.

Двадцать два года. Возраст, когда жизнь только начинается. Возраст, когда мир кажется бесконечным полем возможностей, и каждая дорога открыта, и каждый выбор ещё впереди.

Анна провела пальцами по выгравированным буквам. Камень был холодным и мокрым. Она чувствовала каждую бороздку, каждый изгиб – М, А, Й, Я. Четыре буквы. Четыре звука. Имя, которое она произносила тысячи раз – сначала с

нежностью, потом с тревогой, потом с отчаянием, и наконец – с тишиной внутри, которая была хуже любого крика.

Она перестала произносить это имя вслух примерно через год после похорон.

Не потому что забыла. Потому что каждый раз, когда звук срывается с губ, что-то внутри неё ломалось заново. Кости можно сломать один раз, и они срастутся. Сердце ломается бесконечно, снова и снова, каждый раз по одной и той же трещине.

– Привет, – сказала она теперь, впервые за долгое время. Голос прозвучал хрипло; она откашлялась. – Привет, малышка.

Надгробие не ответило. Могилы не разговаривают – ещё одна истина, которую Анна усвоила за эти десять лет. Люди приходят на кладбища, чтобы говорить с мёртвыми, но на самом деле они говорят сами с собой. Монологи, притворяющиеся диалогами. Утешение, маскирующееся под общение.

Она не знала, зачем пришла сегодня. Круглые даты ничего не значат – время не измеряется годовщинами, оно просто течёт, равнодушно к человеческим условностям. И всё же что-то подняло её утром с постели, заставило надеть тёмное пальто, сесть в автобус до Ассистенс – старого кладбища в центре города, где хоронили ещё со времён Андерсена.

Может быть, привычка. Тело помнит ритуалы, даже когда разум от них отказывается.

Может быть, вина. Вина никогда не уходит до конца; она

просто затихает на время, как болезнь в ремиссии.

Анна села на мокрую скамейку напротив могилы. Дождь усиливался; вода стекала по лицу, по волосам, по рукам. Она не шевелилась. В детстве ей диагностировали высокофункциональный аутизм – способность часами сидеть неподвижно была частью этого. Врачи называли это «гипофокусом»; мать называла «странностью»; сама Анна называла спасением. Неподвижность помогала думать. Неподвижность помогала не чувствовать.

Сейчас она не хотела думать. И чувствовать – не хотела тоже.

Но воспоминания приходили сами.

Март 2137 года. Десять лет назад.

Анна сидела в конференц-зале Копенгагенского университета, готовясь к докладу о семиотических паттернах в древних письменностях. Презентация была почти завершена; оставалось добавить несколько графиков и проверить цитаты. Рутинная работа, привычный ритм – тот самый ритм, который держал её на плаву все эти годы после развода с Томасом.

Телефон зазвонил в 14:37. Она помнила время точно – цифры отпечатались в памяти, как след на мокром песке.

Номер незнакомый. Голос – тоже.

– Госпожа Рен? Анна Катарина Рен?

– Да.

– Вас беспокоят из Национального госпиталя. Ваша дочь, Майя Рен, поступила к нам час назад. Произошла авария.

Мир остановился.

Не метафора – именно так она это восприняла. Звуки замерли, цвета поблекли, время перестало двигаться. Она стояла посреди застывшей вселенной, и единственное, что существовало, – это голос в телефоне, произносящий слова, которые не могли быть правдой.

– Какая авария?

– Аэротакси. Столкновение над Эресунном. Госпожа Рен, вам нужно приехать.

– Она жива?

Пауза. Слишком долгая пауза.

– Приезжайте, пожалуйста. Как можно скорее.

Госпиталь пахнул антисептиком и страхом.

Анна не помнила, как добралась – такси, метро, бегом по коридорам. Она помнила только двери реанимации, и врача в зелёном халате, и его лицо – усталое, виноватое, профессионально-сочувственное.

– Травмы несовместимы с жизнью, – говорил он. – Мы делаем всё возможное, но... Вы должны быть готовы.

Готовы. К чему? К тому, что двадцатидвухлетняя девочка, которая ещё вчера звонила и смеялась в трубку, рас-

сказывая о новой работе и новом парне, теперь лежит за этими дверями, опутанная трубками и проводами, и её тело уже не принадлежит ей – оно принадлежит машинам, которые пытаются удержать то, что нельзя удержать?

– Я хочу её видеть.

– Госпожа Рен...

– Я хочу её видеть.

Врач кивнул. Он видел это сотни раз – матерей, отцов, мужей, жён, – всех, кто требовал увидеть, прежде чем поверить. Неверие – первая стадия горя. Самая милосердная.

Он провёл её внутрь.

Анна не узнала Майю.

Тело на койке было слишком маленьким, слишком неподвижным, слишком... неправильным. Лицо скрывали бинты; открыты были только глаза – закрытые, с синеватыми тенями на веках. Руки – те самые руки, которые Анна держала, когда учила дочь писать буквы, – лежали поверх одеяла, покрытые ожогами и порезами.

Мониторы пищали. Графики на экранах показывали что-то – пульс, давление, уровень кислорода, – но Анна не понимала цифр. Она понимала только одно: линии на графиках становились всё более плоскими.

– Мама?

Голос. Слабый, едва слышный. Но – голос.

Анна бросилась к койке, схватила руку дочери – осторожно, боясь причинить боль, боясь, что прикосновение разрушит иллюзию.

– Я здесь. Я здесь, малышка. Я с тобой.

Глаза Майи приоткрылись. Зрачки были расширены, взгляд – мутный, далёкий. Она смотрела на мать, но видела ли – Анна не знала.

– Мама... – повторила Майя. – Мне... холодно.

– Сейчас. Сейчас принесут одеяло. Всё будет хорошо. Ты слышишь? Всё будет хорошо.

Ложь. Анна знала, что это ложь. Врач сказал – травмы несовместимы с жизнью. Но какая мать может сказать правду умирающему ребёнку? Какая мать может признать, что не в силах защитить, спасти, уберечь?

– Мама... – голос Майи становился тише. – Я... боюсь.

– Не бойся. Я здесь. Я никуда не уйду.

– Обещаешь?

– Обещаю.

Майя улыбнулась. Слабо, едва заметно – но улыбнулась. Та самая улыбка, которую Анна помнила с младенчества: открытая, доверчивая, абсолютно беззащитная.

– Хорошо... – прошептала Майя. – Тогда... не страшно.

Она закрыла глаза.

Мониторы продолжали пищать ещё семнадцать минут. Потом звук стал ровным, непрерывным, однотонным.

Анна держала руку дочери ещё два часа, пока медсёстры

не уговорили её отпустить.

Дождь перешёл в морось, потом в туман. Копенгаген затянуло серой дымкой, превратившей город в размытую акварель.

Анна сидела на скамейке, промокшая до нитки, и смотрела на надгробие. Воспоминания отступили, оставив после себя привычную пустоту – ту самую пустоту, которую она научилась носить внутри, как вторую кожу.

Десять лет.

Три тысячи шестьсот пятьдесят дней.

Восемьдесят семь тысяч шестьсот часов.

Она могла бы посчитать и минуты, но это было бы уже патологией. Хотя, возможно, патология начиналась гораздо раньше – в тот момент, когда она решила, что боль можно превратить в числа, а числа – контролировать.

– Я скучаю по тебе, – сказала она надгробию. – Каждый день. Каждый час. Это не проходит. Говорят, время лечит, но это неправда. Время просто... – она поискала слово, – время просто добавляет слои. Боль никуда не девается. Она просто уходит глубже.

Надгробие молчало. Разумеется.

– Мне сегодня пятьдесят два, – продолжила Анна. – Ты знала? Наверное, нет. Мы не отмечали дни рождения, когда ты была... когда ты была. – Она сглотнула. – Мне пятьдесят

два, и я не знаю, что делать дальше. Я работаю. Преподаю. Пишу статьи. Делаю всё то же, что делала раньше. Но это не имеет смысла. Ничего не имеет смысла без тебя.

Она замолчала. Где-то вдалеке прогудел автобус; голоса прохожих донеслись сквозь туман – обрывки фраз, смех, обычная жизнь обычных людей.

– Твой отец... – Анна запнулась. Она редко думала о Томасе, ещё реже – говорила о нём. – Он справляется по-своему. Мы не общаемся. Это, наверное, неправильно, но... мы напоминаем друг другу о тебе. А напоминание – это больно. Проще молчать.

Она встала. Ноги затекли; она не заметила, сколько времени просидела на скамейке. Час? Два? Время на кладбищах течёт иначе – медленнее, гуще, как патока.

– Я приду снова, – сказала она, касаясь надгробия. – Не знаю когда. Но приду.

Она развернулась и пошла к выходу, не оглядываясь.

Оглядываться было бы слишком.

Квартира встретила её тишиной.

Анна жила одна уже двенадцать лет – с момента развода с Томасом. Двухкомнатная квартира в Нёрребро, старый район, старый дом, скрипучие полы и высокие потолки. Она могла бы переехать в что-то современное – университетская зарплата позволяла, – но не видела смысла. Пространство –

это просто пространство. Стены не делают человека счастливым.

Она сняла мокрое пальто, повесила на крючок у двери. Стянула ботинки, прошла на кухню, включила чайник. Ритуалы. Якоря, удерживающие в реальности.

На столе лежала стопка непроверенных работ – эссе студентов по курсу «Введение в семиотику». Она должна была сдать оценки до конца недели. Должна была – но не могла заставить себя сесть за проверку. Не сегодня.

Чайник закипел; она заварила чай – чёрный, без сахара, – и села у окна. За окном темнело; фонари включались один за другим, расчерчивая улицу жёлтыми пятнами света.

Она думала о Майе.

Не о мёртвой Майе, не о Майе в госпитале – о живой. О маленькой девочке, которая боялась темноты и требовала оставлять дверь приоткрытой. О подростке, которая красила волосы в немыслимые цвета и слушала музыку, от которой у Анны болела голова. О молодой женщине, которая нашла работу в архитектурном бюро и звонила по воскресеньям, рассказывая о проектах, коллегах, планах на будущее.

Будущее, которое так и не наступило.

Анна отпила чай. Он был слишком горячим; она обожгла язык, но не обратила внимания.

Телефон зазвонил.

Она посмотрела на экран. Номер незнакомый – международный код, длинная последовательность цифр. Обычно она

не отвечала на такие звонки; обычно это был спам или мошенники. Но сегодня – сегодня что-то заставило её нажать кнопку ответа.

– Алло?

– Анна? Анна Рен?

Голос был мужским, с лёгким акцентом – то ли американским, то ли канадским. Знакомый голос, хотя она не могла сразу вспомнить откуда.

– Да, это я.

– Это Дэвид Лоуренс. Мы работали вместе в Берне, помнишь? Девяносто восьмой, проект по машинному переводу.

Берн. Девяносто восьмой. Почти пятьдесят лет назад – она была тогда молодым исследователем, только что защитившим диссертацию. Дэвид Лоуренс – высокий, рыжеволосый, с громким смехом и привычкой говорить слишком быстро.

– Дэвид. Да, конечно. – Она помедлила. – Давно не слышала.

– Я знаю. Прости, что звоню вот так, без предупреждения. Особенно сегодня.

Сегодня. Значит, он знал. Значит, помнил дату.

– Откуда ты...

– Я следил за новостями. Тогда, десять лет назад. Мне очень жаль, Анна. Я хотел позвонить тогда, но... – он замаялся, – я не знал, что сказать.

– Никто не знает, – ответила она ровно. – Это нормально.

Молчание. Потом:

– Анна, я звоню не просто так. У меня к тебе предложение. Точнее, не у меня – у людей, с которыми я работаю.

– Какое предложение?

– Ты слышала о станции «Янус»?

Станция «Янус». Орбита Юпитера. Крупнейший исследовательский проект в истории человечества. Она читала о нём – все читали, – но никогда не интересовалась подробностями. Космос был далёк от её области; она занималась языками, паттернами, семиотикой.

– Слышала. Что с ней?

– Там кое-что нашли. – Голос Дэвида стал тише, осторожнее. – Я не могу говорить по открытой связи, но... это серьёзно, Анна. Очень серьёзно. И нам нужен специалист твоего профиля.

– Моего профиля? Я занимаюсь лингвистикой, Дэвид. Не астрофизикой.

– Я знаю. Именно поэтому и звоню. – Пауза. – Анна, ты когда-нибудь задумывалась, как может выглядеть язык... нечеловеческий?

Она замерла с чашкой у губ.

– Что ты имеешь в виду?

– Я имею в виду – язык существа, которое мыслит иначе, чем мы. Которое воспринимает мир иначе. Которое... – он снова замялся, подбирая слова, – которое может существовать по другим правилам.

– Дэвид, ты говоришь загадками.

– Потому что не могу говорить прямо. Не по телефону. Но если ты согласишься приехать – если ты хотя бы рассмотрим возможность, – я объясню всё на месте.

Анна поставила чашку на стол. Руки слегка дрожали – от холода, от усталости, от чего-то ещё, что она не могла назвать.

– Почему я?

– Потому что ты лучшая. – Дэвид сказал это просто, без лести. – Я помню, как ты работала в Берне. Ты видишь паттерны там, где другие видят хаос. Ты можешь читать структуру, прежде чем понять содержание. Нам нужен именно такой человек.

– Для чего?

– Для... – он замолчал. – Анна, я не могу сказать больше. Правда, не могу. Но поверь мне – это важно. Возможно, самое важное, что происходило с человечеством за всю его историю.

Она смотрела в окно. Дождь снова усилился; капли стучали по стеклу, размывая огни фонарей в жёлтые пятна.

Самое важное, что происходило с человечеством.

Громкие слова. Дэвид всегда любил громкие слова – ещё тогда, в Берне. Но в его голосе сейчас было что-то другое. Не энтузиазм учёного, нашедшего интересную задачу. Что-то более глубокое. Что-то похожее на страх.

– Когда? – спросила она.

– Как можно скорее. Я могу организовать транспорт зав-

тра. Шаттл с космодрома Куру, потом пересадка на орбитальной станции. Ты будешь на «Янусе» через неделю.

Неделя. Через неделю она должна сдать оценки за семестр, провести факультетское собрание, встретиться с аспирантом, который никак не мог закончить диссертацию. Обычная жизнь, обычные обязательства.

– Я подумаю, – сказала она.

– Конечно. – Дэвид помолчал. – Анна, я понимаю, что прошу многого. Особенно сегодня. Но... подумай. Пожалуйста. И перезвони мне до завтрашнего полудня.

Он продиктовал номер. Она записала на салфетке – автоматически, не задумываясь.

– До свидания, Дэвид.

– До свидания, Анна. И... я рад, что ты ответила.

Связь оборвалась.

Анна сидела в темноте, глядя на мокрое окно, и думала.

Она не спала.

Это было привычно – бессонница преследовала её годами, то отступая, то возвращаясь. Врачи предлагали препараты; она отказывалась. Сон был единственным временем, когда она видела Майю – во снах дочь была живой, смеющейся, такой, какой была до аварии. Просыпаться после таких снов было невыносимо, но всё же лучше, чем не видеть её совсем.

Сегодня снов не было. Только мысли – кружащие, повто-

ряющиеся, беспокойные.

Язык нечеловеческий.

Существо, которое мыслит иначе.

Что они нашли на «Янусе»?

Анна встала с постели, прошла в гостиную, включила компьютер. Экран осветил комнату голубоватым сиянием; она набрала в поиске «станция Янус новости».

Ничего нового. Официальные пресс-релизы, научные публикации годичной давности, фотографии Юпитера. Если на станции и произошло что-то серьёзное, об этом пока не сообщали публично.

Засекречено, подумала она. Как в старых фильмах – правительственные агенты, секретные лаборатории, заговоры в высших эшелонах власти.

Но Дэвид никогда не был параноиком. Он был учёным – прагматичным, рациональным, скептическим. Если он говорил, что это важно, значит, это действительно было важно.

Ты видишь паттерны там, где другие видят хаос.

Да. Это было её проклятие и её дар.

С детства Анна замечала структуры – в языках, в музыке, в поведении людей. Узоры, повторяющиеся мотивы, скрытые закономерности. Врачи объясняли это аутизмом; она сама предпочитала думать, что просто видит мир иначе. Не лучше и не хуже – просто иначе.

Это помогало в работе. Лингвистика – наука о паттернах; семиотика – наука о том, как паттерны превращаются в

смысл. Она написала три книги, десятки статей, расшифровала несколько «нерасшифровываемых» текстов – не потому что была гениальней других, а потому что видела то, что другие пропускали.

Но это же мешало в жизни. Люди – не тексты; их нельзя читать, как книги. Их эмоции не подчиняются грамматике; их намерения не укладываются в паттерны. Анна научилась маскироваться – улыбаться, когда нужно, говорить правильные вещи в правильные моменты, – но это всегда требовало усилий. Общение с людьми утомляло её так же, как других утомляет марафон.

Томас понимал это. В начале. Потом – перестал понимать, или устал понимать, или просто устал. Развод был неизбежен; единственное, что удивляло, – что они продержались так долго.

Майя понимала всегда.

Дочь унаследовала от неё способность видеть паттерны, но не унаследовала неспособность к эмпатии. Майя была мостом – между Анной и миром, между логикой и чувствами, между тем, что есть, и тем, что должно быть.

А потом моста не стало.

Анна закрыла компьютер. За окном начинало светать – серое, бледное утро, без намёка на солнце.

Она приняла решение.

– Ты уверена?

Голос декана звучал скептически. Элизабет Мортенсен была женщиной прагматичной; она не любила неожиданно-стей, особенно посреди семестра.

– Да, – ответила Анна. – Это важно.

– Ты даже не можешь сказать мне, о чём идёт речь.

– Не могу. Но это... – она искала слова, которые убедили бы, не раскрывая сути, – это возможность, которая бывает раз в жизни.

Элизабет вздохнула. Они знали друг друга двадцать лет; декан видела Анну в худшие моменты – после развода, после смерти Майи, в те месяцы, когда она едва могла подняться с постели.

– Сколько времени?

– Не знаю. Может быть, несколько месяцев. Может быть, дольше.

– А курсы?

– Йенсен может меня заменить. Он знает материал.

Элизабет помолчала. За её спиной, в окне кабинета, виднелись шпили старого Копенгагена – готические башни, красные крыши, вечный ветер с моря.

– Анна, – сказала она наконец, – ты выглядишь... иначе. Не могу понять, лучше или хуже, но – иначе.

– Это плохо?

– Не знаю. – Декан откинулась в кресле. – Последние десять лет ты была как... как механизм. Работала, преподава-

ла, писала статьи. Всё безупречно, всё по расписанию. Но в тебе не было жизни. Как будто ты просто ждала, когда всё закончится.

Анна не ответила. Элизабет была права – хотя Анна никогда бы не призналась в этом вслух.

– И вот сейчас ты приходишь и говоришь, что уезжаешь. Куда-то. На какое-то время. По какой-то причине, которую не можешь объяснить. – Декан наклонилась вперёд. – Это похоже на жизнь, Анна. Впервые за долгое время.

– Может быть.

– Тогда езжай. – Элизабет улыбнулась – редко, непривычно. – Я разберусь с курсами. И с факультетом. Просто... – она помедлила, – просто не исчезай совсем, хорошо? Дай знать, что с тобой всё в порядке.

– Обещаю.

Анна встала. На пороге она обернулась.

– Элизабет... спасибо.

– За что?

– За то, что не спрашиваешь больше.

Декан кивнула. Она понимала – как понимает любой, кто достаточно долго работает с людьми, – что иногда лучше не спрашивать.

Квартира выглядела иначе, когда Анна начала собирать вещи.

Не физически – те же стены, та же мебель, те же книги на полках. Но что-то сместилось в её восприятии. Она смотрела на комнаты глазами человека, который уезжает, – и видела не дом, а набор предметов. Функциональных, практичных, лишённых души.

Она не была привязана к вещам. Никогда не была. Томас жаловался на это – на её способность бросить всё и уехать, не оглядываясь. «Ты как кошка, – говорил он. – Привязываешься к месту, не к людям». Это было несправедливо, но доля правды в его словах была.

Майя была исключением. Единственным исключением за всю её жизнь.

Чемодан заполнялся медленно. Одежда – практичная, немаркая. Планшет с книгами. Личные документы. Небольшая шкатулка с украшениями, которые она никогда не носила, но не могла выбросить – подарки матери, давно умершей.

И фотография.

Единственная фотография, которую она позволяла себе держать.

Майя в семнадцать лет. Выпускной бал – нелепое платье, слишком яркий макияж, счастливая улыбка. Она только что получила письмо о зачислении в университет; жизнь казалась бесконечной, полной возможностей.

Анна долго смотрела на фотографию. Потом аккуратно положила её между страницами книги – так, чтобы не помялась, – и убрала в чемодан.

– Я еду, – сказала она пустой квартире. – Не знаю зачем. Не знаю, что найду. Но... – она замолчала, подбирая слова, – но оставаться здесь больше не могу. Понимаешь?

Квартира не ответила. Квартиры не разговаривают, как и надгробия.

Но Анне показалось – на мгновение, на долю секунды, – что где-то далеко, на границе восприятия, кто-то услышал.

Дэвид перезвонил вечером.

– Ты приняла решение?

– Да.

– И?

– Я еду.

На том конце линии – тишина. Потом:

– Спасибо, Анна. Ты не пожалеешь.

– Не обещай того, чего не знаешь.

– Ты права. – Он рассмеялся – нервно, отрывисто. – Я не знаю, к чему это приведёт. Никто не знает. Но это... это важно. Ты сама увидишь.

– Расскажи мне хотя бы что-нибудь. Хоть намёк.

Долгое молчание. Анна слышала его дыхание в трубке – неровное, напряжённое.

– На орбите Юпитера нашли объект, – сказал он наконец. – Он ведёт себя... неправильно. С точки зрения физики – невозможно. Но он есть. И он... – пауза, – он несёт струк-

туры. Паттерны. Что-то, что может быть... сообщением.

Сообщением.

Анна почувствовала, как что-то сжимается в груди. Не страх – предчувствие. Ощущение, что мир вот-вот изменится необратимо.

– Сообщением от кого?

– Мы не знаем. Поэтому нам и нужна ты.

Она закрыла глаза. За веками – темнота, пустота, тишина. И где-то на краю этой тишины – голос Майи. «Не бойся, мама. Я здесь».

Иллюзия. Память, притворяющаяся реальностью.

Но всё же – утешение.

– Хорошо, – сказала Анна. – Я буду готова завтра.

– Шаттл вылетает из Куру в 14:00 по местному времени.

Документы пришлю на твою почту. И, Анна...

– Да?

– Добро пожаловать в проект «Перекрёсток».

Связь оборвалась.

Анна сидела в темноте, держа телефон в руках. За окном город готовился ко сну – гасли огни, стихали звуки, улицы пустели.

Проект «Перекрёсток».

Она не знала, что её ждёт. Не знала, что она найдёт на станции «Янус», в шестистах миллионах километров от Земли. Не знала, сможет ли разгадать паттерны, которые не смогли разгадать другие.

Но она знала одно.

Впервые за десять лет – она хотела узнать.

Впервые за десять лет – она чувствовала что-то, кроме пустоты.

Это было похоже на пробуждение.

Или на прощание.

Она ещё не понимала – с чем.

В эту ночь ей приснилась Майя.

Дочь стояла на берегу моря – не датского, не земного, какого-то другого. Вода была чёрной и неподвижной; небо – полным незнакомых звёзд.

– Мама, – сказала Майя, – ты едешь.

– Да.

– Это хорошо. – Она улыбнулась – той самой улыбкой, открытой и беззащитной. – Ты найдёшь что-то важное. Что-то, что изменит всё.

– Что я найду?

– Не могу сказать. – Майя повернулась к морю. – Но ты узнаешь, когда увидишь. Ты всегда умела видеть.

– Я скучаю по тебе.

– Я знаю. – Она не обернулась. – Я тоже скучаю. Но скучать – не значит терять. Помни об этом.

– Что это значит?

– Поймёшь. Со временем.

Майя шагнула в воду. Чёрные волны сомкнулись над её головой без единого всплеска.

Анна хотела закричать, броситься следом, но не могла двинуться. Ноги примёрзли к песку; голос застрял в горле.

– Майя!

Молчание. Только звёзды – холодные, далёкие, равнодушные.

И голос – откуда-то из глубины чёрной воды:

– Не бойся, мама. Мы ещё встретимся.

Анна проснулась с именем дочери на губах.

За окном рассветало. Новый день. Новая жизнь.

Она встала, умылась, оделась.

Чемодан ждал у двери.

Космос ждал за горизонтом.

И где-то там – на орбите далёкой планеты – что-то ждало её.

Что-то, что несло в себе паттерны.

Что-то, что хотело быть понятым.

Глава 3: Игра в обратную перемотку

Станция «Янус», орбита Юпитера 27 марта 2147 года

Юпитер занимал половину обзорного окна – громадный, полосатый, совершенно безразличный к человеческому присутствию.

Анна стояла в шлюзовом отсеке, ожидая, пока система закончит проверку атмосферы. Неделя в пути – шаттл до орбитальной станции, пересадка, ещё один шаттл, и наконец челнок до «Януса». Неделя в тесных каютах, среди незнакомых людей, под постоянный гул двигателей. Она почти не спала; почти не ела; почти не разговаривала с попутчиками. Они, вероятно, считали её странной. Пусть.

Индикатор над дверью мигнул зелёным. Шлюз открылся.

– Доктор Рен!

Дэвид Лоуренс выглядел точно так же, как она его помнила – и совершенно иначе. Рыжие волосы поседели; лицо обзавелось сетью морщин; но энергия осталась прежней. Он двигался быстро, говорил быстро, улыбался быстро – словно боялся не успеть.

– Дэвид. – Она пожала его руку. – Спасибо, что встретил.

– Как перелёт? Ужасно, да? Эти челноки – пыточные ка-

меры с двигателями. – Он уже вёл её по коридору, не дожидаясь ответа. – Я помню свой первый рейс сюда – три дня в позе эмбриона, и потом неделю не мог разогнуться. Но привыкаешь. Ко всему привыкаешь.

Станция «Янус» изнутри выглядела так, как Анна и ожидала: функциональная, утилитарная, лишённая украшений. Серые стены, трубы под потолком, маркировка на каждом углу. Люди в форменных комбинезонах – учёные, техники, администраторы – проходили мимо, кивая Дэvidу, бросая на неё любопытные взгляды.

– Разместишься в жилом модуле, – говорил Дэвид. – Каюта небольшая, но приватная. Душ, туалет, стол для работы. Всё необходимое.

– Я хочу увидеть данные.

Дэвид остановился так резко, что она едва не врезалась ему в спину.

– Сейчас? Ты только прилетела. Тебе нужен отдых, акклиматизация...

– Данные, – повторила она. – Ты привёз меня за шестьсот миллионов километров. Не думаю, что для того, чтобы я отдыхала.

Он смотрел на неё – изучающе, оценивающе. Потом рассмеялся.

– Ты не изменилась. Совсем не изменилась. – Он развернулся и зашагал в другом направлении. – Ладно. Данные так данные. Но потом – обед. И сон. Хотя бы четыре часа.

– Посмотрим.

Операционный центр занимал целый модуль – огромное помещение с куполообразным потолком, заставленное терминалами и голографическими проекторами. В центре висело трёхмерное изображение: Юпитер, его луны, орбитальные траектории, и – отдельно, увеличенная в сотни раз – точка. Объект.

Анна остановилась у входа.

– Это он?

– Это он. – Дэвид подошёл к проекции. – UNCAT-2147-0314-001. Мы называем его «Аномалия». Хотя, между нами, это слово уже кажется слишком мягким.

Она подошла ближе. Объект в проекции медленно вращался, показывая все грани – если это вообще можно было назвать гранями. Форма не поддавалась описанию: не сфера, не куб, не что-то знакомое. Что-то *иное*.

– Он выглядит... – Анна поискала слово, – ...неудобным.

– Неудобным?

– Для восприятия. Глаз не может за него зацепиться. Нет привычных точек отсчёта.

Дэвид кивнул.

– Многие жалуются. Некоторые говорят, что у них кружится голова, когда смотрят слишком долго. Наш штатный психолог списывает это на когнитивный диссонанс – мозг не

может классифицировать форму и начинает сбоить.

– А ты что думаешь?

– Я думаю, что он не предназначен для наших глаз. – Дэвид обошёл проекцию кругом. – Он не эволюционировал в нашей среде. Не создан существами, которые видят мир так же, как мы. Его эстетика – если это вообще эстетика – основана на других принципах.

– Каких?

– Вот это, – он улыбнулся, – мы и надеемся, что ты сможешь выяснить.

Лиам Чен оказался не таким, каким Анна его представляла.

По описаниям Дэвида, она ожидала увидеть типичного астрофизика – рассеянного, погружённого в формулы, с трудом формулирующего мысли для неспециалистов. Вместо этого перед ней стоял собранный человек среднего роста, с внимательными глазами и манерой говорить так, словно каждое слово тщательно взвешивалось.

– Доктор Рен. – Он пожал ей руку. – Рад, что вы согласились.

– Доктор Чен. Расскажите мне об объекте.

Они сидели в небольшой переговорной – Анна, Чен, Дэвид и ещё одна женщина, которую представили как Фатиму Аль-Рашид, специалиста по анализу данных. На стене висел

экран, показывающий ту же проекцию Аномалии.

– Основные факты вы, вероятно, знаете из брифинга, – начал Чен. – Объект обнаружен двенадцать дней назад. Размер – примерно четыре метра в поперечнике. Состав – неопределим. Масса – не поддаётся стандартным измерениям.

– Не поддаётся?

– Гравиметрические датчики дают противоречивые показания. Иногда объект ведёт себя так, словно весит несколько тонн. Иногда – словно не весит ничего. Иногда... – Чен замолчал.

– Иногда – что?

– Иногда показания отрицательные. Словно объект отталкивает, а не притягивает.

Анна откинулась на спинку кресла. Отрицательная масса. Антигравитация. Понятия из учебников теоретической физики, которые никогда не наблюдались в реальности.

– Но главная аномалия – не это, – продолжил Чен. – Главное – энтропия.

– Дэвид упоминал.

– Энтропия объекта убывает. – Чен вывел на экран график – нисходящую линию, плавную и устойчивую. – Уже двенадцать дней. Стабильный градиент, без замедления. Это... – он поискал слово.

– Невозможно, – подсказала Фатима.

– Я предпочитаю слово «необъяснимо», – поправил Чен. – «Невозможно» предполагает, что мы точно знаем все законы

физики. Очевидно, это не так.

Анна смотрела на график. Линия шла вниз – слева направо, от высокой точки к низкой. Обратное направление времени. Или обратное направление *чего-то*, что они привыкли считать связанным со временем.

– Какие гипотезы?

– Несколько. – Чен переключил экран. – Первая: сбой измерений. Мы проверили всё, что можно проверить. Сбоя нет. Вторая: неизвестный физический процесс, который мы не можем объяснить в рамках существующей теории. Возможно, но маловероятно – наша теория достаточно полна, чтобы описать большинство макроскопических явлений. Третья...

Он помедлил. Дэвид и Фатима переглянулись.

– Третья?

– Третья: объект существует в иных граничных условиях, чем остальная вселенная. Его термодинамическая стрела времени направлена... – Чен снова сделал паузу, – ...в противоположную сторону.

Анна почувствовала, как что-то сжимается внутри. Не страх – что-то другое. Предчувствие понимания, которое ещё не оформилось в мысль.

– Вы хотите сказать, что для этого объекта время течёт назад?

– Я хочу сказать, что *с его точки зрения* наше будущее – его прошлое. И наоборот. – Чен посмотрел на неё. – Это

одна из гипотез. Не доказанная. Возможно, ошибочная. Но она объясняет данные.

Фатима подалась вперёд.

– И вот тут начинается самое интересное. То, ради чего вас позвали.

– Паттерны?

– Паттерны. – Она вывела на экран новое изображение – хаотичное месиво линий и точек. – Это запись... скажем так, поверхности объекта. То, как она выглядит сейчас. Видите?

Анна видела. Хаос. Случайное нагромождение форм, лишённое структуры и смысла.

– А теперь, – Фатима нажала кнопку, – смотрите.

Изображение на экране начало меняться. Точки двигались, линии перестраивались – не хаотично, а... закономерно. Как если бы кто-то собирал рассыпанный пазл, возвращая каждую деталь на место.

– Это обратная перемотка, – пояснила Фатима. – Мы взяли записи изменений поверхности за последнюю неделю и воспроизвели их в обратном порядке. С нашей точки зрения – распад превращается в сборку.

Анна смотрела, не отрываясь. На экране хаос превращался в порядок. Случайные линии складывались в узоры. Узоры – в структуры. Структуры – в...

– Остановите.

Фатима остановила запись. На экране застыло изображение – не хаотичное, не случайное. *Организованное*. Симмет-

ричные формы, повторяющиеся элементы, ритмические паттерны.

– Вы это видите? – спросила Анна.

– Видим, – ответил Чен. – Но не понимаем.

– Это не случайность.

– Мы знаем.

– Это *структура*. Сложная, многоуровневая структура.

Такие структуры не возникают естественным путём.

– Мы знаем, – повторил Чен.

Анна встала. Подошла к экрану. Пальцами обвела один из повторяющихся узоров – симметричный, элегантный, почти... красивый.

– Вы понимаете, что это значит?

– Мы надеемся, что вы объясните.

Она обернулась.

– Это не просто объект. Это *артефакт*. Что-то созданное. Что-то несущее информацию. – Она снова посмотрела на экран. – Это сообщение.

Тишина.

Потом Дэвид рассмеялся – нервно, облегчённо.

– Вот. Вот почему мы тебя позвали.

Анна не выходила из лаборатории три дня.

Дэвид приносил еду – она ела автоматически, не замечая вкуса. Фатима приносила новые данные – Анна погло-

щала их с жадностью, как пересохшая земля поглощает воду. Чен заходил иногда, задавал вопросы, слушал её рассуждения вслух. Он был хорошим слушателем – молчаливым, внимательным, не перебивающим.

Она работала с записями.

Тысячи часов наблюдений, сжатых до минут. Поверхность объекта в прямом времени – распадающаяся, хаотизирующаяся, теряющая структуру. Та же поверхность в обратном времени – собирающаяся, упорядочивающаяся, обретающая форму.

Два взгляда на одну реальность. Два способа видеть одно и то же.

Анна перематывала записи снова и снова. Запоминала узоры. Искала повторения. Строила карты корреляций.

Паттерны.

Она видела их всю жизнь – в языках, в текстах, в поведении людей. Но эти паттерны были *другими*. Незнакомыми. Построенными на принципах, которые она не понимала.

И всё же – паттерны. Не хаос. Не случайность. *Порядок.*

На третий день она позвала Чена.

– У меня есть гипотеза.

Он сел напротив, сложив руки на столе. Терпеливый, выжидающий.

– Я смотрю на записи, – начала Анна, – и вижу два процесса. С нашей точки зрения – распад. Структуры разрушаются, паттерны исчезают, информация теряется. С обратной

точки зрения – сборка. Структуры создаются, паттерны появляются, информация возникает.

– Да. Это то, что мы наблюдаем.

– Но вот что интересно. – Она вывела на экран два изображения рядом: начало прямой записи и конец обратной. – Эти два состояния – не зеркальные отражения. Структура в начале *нашего* времени – сложнее, чем структура в начале *обратного* времени.

Чен нахмурился.

– Объясните.

– Если бы время просто текло в обратном направлении, оба состояния были бы идентичны. Но они не идентичны. В прямом времени объект начинает со сложной структуры и распадается до простой. В обратном времени... – она увеличила изображение, – объект начинает с простой структуры и усложняется. Но конечные состояния – разные.

– Что это значит?

– Это значит, что объект – не просто «обратный». Он *активен*. Он не просто существует в обратном времени – он *делает* что-то. Создает что-то. – Она посмотрела на Чена. – Передаёт что-то.

Он молчал. Анна видела, как за его глазами работает мысль – сопоставление, оценка, проверка.

– Вы говорите, – произнёс он наконец, – что кто-то *использует* объект. Как носитель информации.

– Я говорю, что объект *сам по себе* – носитель информа-

ции. Его структура – не побочный эффект. Его структура – *содержание*.

Тишина. За окном лаборатории проплывал Юпитер – медленно, величественно, равнодушно.

– Если вы правы, – сказал Чен, – то объект – это послание. Письмо от кого-то... или чего-то... с обратной стрелой времени.

– Да.

– И мы читаем его... как? С нашей точки зрения оно *распадается*, а не создаётся.

– Именно поэтому нам нужна обратная перемотка. – Анна снова указала на экран. – Для отправителя – процесс идёт от простого к сложному. Они *создают* структуру. Для нас – процесс идёт от сложного к простому. Структура *разрушается*. Но если мы записываем разрушение и воспроизводим запись в обратном порядке...

– ...мы видим создание.

– Мы видим, как они *писали*.

Чен откинулся на спинку кресла. Его лицо – обычно непроницаемое – выражало нечто похожее на потрясение.

– Это... – он не закончил фразу.

– Безумие? – подсказала Анна.

– Я хотел сказать «гениально». Но да, пожалуй, безумие тоже подходит.

Следующую неделю Анна провела, разрабатывая методологию.

Проблема была в масштабе. Объект размером в четыре метра, запись изменений за двенадцать дней, миллиарды точек данных. Человеческий мозг не способен обработать такой объём – даже её мозг, привыкший видеть паттерны там, где другие видели хаос.

Нужны были алгоритмы.

Она работала с Фатимой – писала код, тестировала модели, отбрасывала то, что не работало. Фатима была хорошим партнёром: практичная, быстрая, не задающая лишних вопросов.

– Ты думаешь, там действительно что-то есть? – спросила она однажды ночью, когда они вдвоём сидели перед экранами, уставшие и измученные.

– Что-то есть точно, – ответила Анна. – Вопрос – *что*.

– Может быть, это просто физика. Какой-нибудь процесс, который мы не понимаем. Не обязательно *сообщение*.

Анна помолчала. Это была законная возможность. Паттерны могли быть результатом неизвестных физических законов, а не намеренной передачи информации. Она могла видеть смысл там, где его не было – как люди видят лица в облаках или созвездия в случайных звёздах.

– Может быть, – согласилась она. – Но посмотри на это.

Она вывела на экран один из паттернов – симметричную структуру, повторяющуюся шесть раз на протяжении записи.

– Это повторяется. Не случайно – *регулярно*. Через равные интервалы. Как если бы кто-то ставил точки в конце предположений.

Фатима смотрела на экран.

– Или как если бы физический процесс имел цикличную природу.

– Или так. – Анна пожала плечами. – Поэтому нам нужно больше данных. И лучшие алгоритмы.

– И сон, – добавила Фатима. – Когда ты последний раз спала больше трёх часов?

– Не помню.

– Вот это и пугает.

Прорыв случился на четырнадцатый день.

Анна работала с новой версией алгоритма – оптимизированной, более чувствительной к мелким паттернам. Она загрузила данные, запустила обработку, откинулась в кресле, ожидая результатов.

Экран мигнул. Появилось изображение.

Она замерла.

Это была не просто структура. Это была *иерархия* структур. Вложенные уровни, каждый из которых содержал свои паттерны. Макроуровень – крупные, очевидные формы. Мезоуровень – более тонкие связи между формами. Микроуровень – детали внутри каждой формы.

Три уровня. Как три слоя смысла в сложном тексте.

– Фатима, – позвала она, не отрывая глаз от экрана. – Иди сюда.

Фатима подошла. Остановилась за её плечом.

– Что это?

– Структура. Настоящая структура. – Анна указала на экран. – Смотри. Вот макроуровень – большие формы. Они повторяются нерегулярно, но с определённой закономерностью. Это может быть... – она поискала аналогию, – ...как слова. Или как фразы.

– А эти? – Фатима указала на мезоуровень.

– Связи между «словами». Синтаксис. То, как элементы соединяются друг с другом.

– А здесь?

– Микроуровень. – Анна увеличила фрагмент. – Детали внутри каждой формы. Возможно – оттенки смысла. Или... грамматические маркеры. Что-то, что модифицирует значение.

Фатима села рядом.

– Ты серьёзно?

– Абсолютно.

– Ты хочешь сказать, что это... *язык*?

– Я хочу сказать, что это похоже на язык. На систему, организованную для передачи информации. Со своей грамматикой, своим синтаксисом, своей семантикой.

– Но... – Фатима помотала головой, словно пытаюсь

стряхнуть наваждение. – Но это же... это означает, что там кто-то есть. Кто-то, кто *говорит*. Кто-то разумный.

– Да.

– В обратном времени.

– Да.

Тишина. Юпитер за окном медленно поворачивался, показывая новые полосы облаков.

– Нужно звать Чена, – сказала наконец Фатима. – И Дэвида. И... и всех.

– Подожди. – Анна подняла руку. – Сначала я хочу кое-что проверить.

Проверка заняла ещё три часа.

Анна запустила серию тестов – статистический анализ распределения паттернов, поиск корреляций между уровнями, измерение энтропии в разных частях структуры. Результаты были однозначными.

Паттерны не были случайными.

Вероятность случайного возникновения такой структуры – один к десяти в степени сто восемнадцать. Число настолько маленькое, что практически равнялось нулю. Это не могло быть совпадением. Это не могло быть физическим артефактом. Это было *намеренным*.

Она вызвала Чена и Дэвида по внутренней связи. Они пришли через десять минут – встревоженные, сонные, явно

вырванные из постелей.

– Что случилось? – спросил Дэвид.

– Садитесь. – Анна указала на кресла. – Я нашла кое-что.

Она показала им результаты. Объяснила методологию. Продемонстрировала статистику. Чен слушал молча, не перебивая. Дэвид несколько раз порывался что-то сказать, но замолкал, не договорив.

Когда она закончила, оба сидели неподвижно.

– Это... – Дэвид провёл рукой по лицу. – Это меняет всё.

– Не всё, – возразила Анна. – Это подтверждает то, что мы подозревали. Объект – артефакт. Он несёт информацию. Информация структурирована как язык.

– Но мы не знаем, что она значит.

– Пока не знаем. Но теперь мы знаем, что *есть* что-то, что нужно расшифровать. Это первый шаг.

Чен поднялся. Подошёл к экрану. Долго смотрел на изображение – на иерархию паттернов, на вложенные уровни структуры.

– Кто они? – спросил он тихо. – Эти... существа с обратным временем. Кто они?

– Не знаю.

– Что они хотят сказать?

– Не знаю.

– Почему они... – он запнулся, – почему они пишут нам?

Анна помолчала. Этот вопрос она задавала себе сотни раз за последние дни. Если там кто-то есть – кто-то разумный,

кто-то способный к коммуникации, – зачем им тратить усилия на послание, которое мы можем даже не понять?

– Может быть, – сказала она наконец, – они не пишут *нам*. Может быть, они просто пишут. А мы – те, кто случайно оказался достаточно близко, чтобы увидеть.

– Как бутылка с посланием в океане?

– Что-то вроде. Или как надписи на стенах пещеры. Мы не знаем, для кого они предназначены. Но мы можем попытаться их прочитать.

Дэвид встал, прошёлся по лаборатории.

– Если это правда... если это действительно язык... нам понадобится команда. Лингвисты, криптографы, специалисты по ИИ. Нужно будет уведомить Землю, запросить дополнительное финансирование...

– Подожди. – Чен повернулся. – Прежде чем мы поднимем тревогу, мне нужно быть уверенным. – Он посмотрел на Анну. – Вы уверены? Абсолютно?

Она выдержала его взгляд.

– Я уверена, что паттерны не случайны. Я уверена, что они организованы как информационная система. Я *почти* уверена, что это намеренная коммуникация. – Она помедлила. – Но чтобы быть абсолютно уверенной, мне нужно найти хоть какой-то смысл. Хоть один элемент, который мы сможем интерпретировать.

– Сколько времени?

– Не знаю. Может быть, недели. Может быть, месяцы. Мо-

жет быть, годы. Чужой язык – это не шифр. У него нет ключа, который можно подобрать. Нужно понять *мышление*, которое за ним стоит.

– Мышление существ с обратным временем.

– Да.

Чен и Дэвид переглянулись.

– Хорошо, – сказал Чен. – Пока – ничего наружу. Работайте. Ищите смысл. Если найдёте что-то конкретное – сообщите мне немедленно.

– А если не найду?

– Тогда будем думать. Но пока – работайте.

Он вышел из лаборатории. Дэвид задержался у двери.

– Анна...

– Да?

– Спасибо. Что приехала. Что согласилась. – Он помолчал. – Я знаю, что это не лёгкое время для тебя. После... всего.

После Майи. Он не произнёс имя, но оно повисло в воздухе между ними.

– Это работа, – сказала Анна. – Работа помогает.

– Иногда. – Дэвид кивнул. – Иногда работа – единственное, что помогает.

Он ушёл. Анна осталась одна.

Экран светился в полумраке лаборатории. Паттерны – вложенные, многоуровневые, непостижимые – ждали своей очереди. Послание из другого мира. Голос существ, которые

существовали *иначе*.

Она подвинула кресло ближе.

– Хорошо, – сказала она экрану. – Давай знакомиться.

Ночь на станции «Янус» была условностью – здесь всегда было темно или всегда светло, в зависимости от того, на какую сторону смотреть. Анна работала, не обращая внимания на время. Пила кофе, когда уставала. Ела протеиновые батончики, когда голод становился слишком назойливым. Спала урывками – двадцать минут здесь, полчаса там – прямо в кресле, положив голову на руки.

Паттерны начинали обретать... нет, не смысл. Пока не смысл. Но – *характер*.

Она заметила, что некоторые формы появляются чаще других. Как если бы это были самые распространённые «слова» – артикли, союзы, местоимения. Базовый словарь любого языка.

Она заметила, что определённые сочетания форм повторяются в определённых контекстах. Как если бы это были устойчивые фразы – приветствия, прощания, формулы вежливости.

Она заметила, что структура менялась волнами – периоды высокой сложности чередовались с периодами низкой. Как если бы это были абзацы – блоки информации, разделённые паузами.

Но понимания не было. Только наблюдения. Только данные. Только бесконечные паттерны, которые отказывались складываться в нечто осмысленное.

На седьмой день после открытия она почти сдалась.

Она сидела перед экраном, уставшая до дрожи в руках, и смотрела на очередную визуализацию. Паттерны плыли перед глазами – знакомые, изученные вдоль и поперёк, и абсолютно непонятные.

– Что ты хочешь сказать? – прошептала она. – Что?

Экран не ответил. Конечно, не ответил.

Она закрыла глаза. Усталость накатывала волнами – тяжёлая, давящая, почти осязаемая. Нужно было поспать. По-настоящему поспать, не в кресле, а в кровати. Хотя бы несколько часов.

Мама, ты едешь.

Голос Майи – из сна, который приснился перед отъездом. Анна вздрогнула, открыла глаза.

Ты найдёшь что-то важное. Что-то, что изменит всё.

Бред. Сон – это просто сон. Нейроны, случайно срабатывающие в мозгу. Никаких пророчеств, никаких посланий из загробного мира.

И всё же.

Она снова посмотрела на экран. На паттерны, которые отказывались открывать свои тайны.

Ты всегда умела видеть.

Видеть – что? Что именно она должна увидеть?

Анна встала, прошлась по лаборатории. Мышцы ныли от долгого сидения; голова гудела от недосыпа. Она подошла к окну – тому самому, за которым висел Юпитер.

Планета выглядела так же, как и в первый день. Полосы облаков, медленное вращение, Большое Красное Пятно. Вечная буря, бушующая миллионы лет.

Хаос, подумала она. Идеальный, прекрасный хаос.

И вдруг – как вспышка, как удар молнии – она поняла.

Хаос.

Она бросилась к экрану.

– Обратный порядок, – пробормотала она, открывая файлы. – Я смотрела на обратный порядок. Но что если...

Пальцы летали по клавиатуре. Она загрузила данные – не обработанные, не визуализированные. Сырые записи изменений поверхности объекта.

– Если *они* существуют в обратном времени, – говорила она вслух, – то для них наша запись – *тоже* обратная. Они видят то, что мы записываем, как распад. А мы видим их создание как распад.

Двойная инверсия.

– Но если взять *их* точку зрения...

Она переключила алгоритм. Вместо того чтобы искать паттерны в обратной перемотке, она начала искать паттерны в *прямой* записи – в том, что они до сих пор считали хаосом.

Экран мигнул.

Новые структуры.

Не те, что она видела раньше. Другие. Более... *человеческие*? Нет, не человеческие. Но более *понятные*. Формы, которые мозг мог обработать без головокружения.

– Боже мой, – прошептала она.

Это было как смотреть на картину, которую до сих пор видел только с изнанки. Нити, узлы, хаос – и вдруг ты переворачиваешь холст, и перед тобой – лицо. Или пейзаж. Или что-то ещё, но что-то *осмысленное*.

Паттерны на экране складывались в структуру. Не просто структуру – *архитектуру*. Сложную, многомерную, со своей внутренней логикой.

И в центре этой архитектуры – одна форма, повторяющаяся снова и снова.

Анна увеличила изображение.

Форма была... знакомой. Не в том смысле, что она видела её раньше. В том смысле, что она *резонировала* с чем-то внутри неё. С чем-то глубоким, базовым, универсальным.

Я.

Слово возникло само – не из данных, а из интуиции. Из способности видеть паттерны там, где другие видят хаос.

Эта форма означала *я*. Или *мы*. Или *существо*. Что-то, указывающее на субъект. На того, кто говорит.

Анна откинулась в кресле. Сердце колотилось так, словно она пробежала марафон.

– Это сообщение, – сказала она вслух. – Это действительно сообщение.

И где-то там – в обратном потоке времени, в мире, где энтропия убывает, а прошлое и будущее меняются местами, – кто-то ждал ответа.

Она не стала будить Чена.

Вместо этого она работала до утра – проверяя гипотезу, документируя результаты, строя карты соответствий. К тому моменту, когда станция начала просыпаться, у неё было достаточно данных для предварительного доклада.

Но больше, чем данные, у неё было *понимание*.

Артефакт – это письмо. Письмо от существ, которые живут в обратном времени. Они не могут говорить с нами напрямую – наши сигналы для них такой же хаос, как их сигналы для нас. Но они нашли способ. Создали структуру – достаточно сложную, чтобы нести смысл, достаточно устойчивую, чтобы пережить путешествие через границу между мирами.

И мы – случайно или намеренно – оказались достаточно близко, чтобы увидеть.

Что они хотят сказать? – спросил Чен.

Анна ещё не знала. Но теперь она знала, как искать ответ.

Дверь лаборатории открылась. На пороге стоял Дэвид – взъерошенный, с чашкой кофе в руках.

– Ты вообще спала?

– Нет, – ответила она. – Дэвид, собери всех. Мне нужно

кое-что показать.

Он посмотрел на неё – на её лицо, на её глаза, на что-то в её выражении, что он, вероятно, не видел раньше.

– Ты нашла?

– Да. – Она улыбнулась – впервые за долгое время, впервые за годы, может быть. – Я нашла, как их читать.

Глава 4: Генерал смотрит на звёзды

Станция «Янус», орбита Юпитера 15 апреля 2147 года

Виктор Крейг не любил космос.

Это было иррационально – он понимал. Космос был просто пространством, пустотой между объектами, средой, лишённой намерений. Нечего не любить. И всё же каждый раз, когда челнок проходил через атмосферный шлюз и за иллюминатором разворачивалась бесконечная чернота, что-то внутри него сжималось. Не страх – Крейг давно разучился бояться. Скорее, неудобство. Как от плохо подогнутой брони.

Земля была понятной. Враги, союзники, территории, ресурсы. Всё можно измерить, оценить, контролировать. Космос не подчинялся этой логике. Космос был слишком большим, слишком пустым, слишком равнодушным.

Челнок мягко состыковался со станцией. Толчок, шипение выравнивающегося давления, щелчок открывающихся замков.

– Генерал Крейг? Добро пожаловать на «Янус».

Молодой офицер в форме Объединённых сил – лейтенант, судя по нашивкам. Крейг кивнул, не тратя слов на привет-

ствие. Слова – ресурс. Расходовать его на формальности он не привык.

– Директор Ямамото ждёт вас в командном центре.

– Ведите.

Станция «Янус» была больше, чем он ожидал.

Крейг изучал чертежи перед вылетом – стандартная процедура, – но чертежи не передавали масштаба. Коридоры тянулись в обе стороны, уходя в перспективу. Люди в комбинезонах разных цветов – учёные, техники, обслуживающий персонал – проходили мимо, занятые своими делами. Никто не отдавал честь. Никто не обращал на него внимания.

Гражданский объект. Крейг напомнил себе об этом. Здесь другие правила.

Но правила можно менять.

Командный центр располагался в центральном модуле – большое помещение с куполообразным потолком и панорамными экранами вместо стен. На экранах – данные, графики, изображения. В центре – голографическая проекция: оранжевый шар Юпитера и маленькая точка рядом с ним.

Объект.

Крейг задержал на нём взгляд. Ничего особенного – просто точка. Но из-за этой точки его вытащили из кабинета на Земле и отправили за шестьсот миллионов километров.

– Генерал Крейг.

Кэйко Ямамото была невысокой женщиной лет шестидесяти, с седыми волосами, собранными в строгий узел, и взглядом человека, который привык командовать и не терпит возражений. Крейг узнал этот тип. Он сам был таким.

– Директор.

– Благодарю, что прибыли так быстро. Я понимаю, что запрос был... неожиданным.

– Совет безопасности не делает неожиданных запросов. – Крейг обвёл взглядом помещение. – Где мы можем поговорить?

– Здесь. – Ямамото указала на стол для совещаний в дальнем конце зала. – Мои старшие сотрудники уже собраны. Если вы готовы, начнём брифинг немедленно.

Крейг кивнул. Он всегда был готов.

За столом сидели пятеро.

Ямамото во главе. Рядом – мужчина средних лет с азиатскими чертами лица и усталыми глазами; его представили как доктора Лиамы Чена, главу исследовательской группы. Напротив – рыжеволосый человек постарше, Дэвид Лоуренс, координатор проекта. Женщина с тёмной кожей и резкими чертами – Фатима Аль-Рашид, аналитик данных. И ещё одна женщина – светловолосая, худощавая, с отсутствующим взглядом человека, думающего о чём-то своём.

– Доктор Анна Рен, – представила её Ямамото. – Наш спе-

циалист по семиотике и дешифровке.

Крейг отметил имя. Отметил взгляд – не на нём, а сквозь него, как будто он был препятствием между ней и чем-то более интересным. Учёные. Он знал этот тип тоже.

– Приступим, – сказал он, садясь. – У меня мало времени и много вопросов.

– Разумеется. – Ямамото вывела на экран изображение объекта. – Вы читали предварительный отчёт?

– Читал. Хочу услышать своими словами.

Чен прокашлялся.

– Объект обнаружен тридцать два дня назад. С тех пор мы провели всесторонние исследования. Основные выводы... – он помедлил, словно подбирая формулировки, – ...основные выводы противоречат нашему пониманию физики.

– Конкретнее.

– Энтропия объекта убывает. Постоянно, стабильно, без внешнего источника энергии. Это, строго говоря, невозможно в рамках известных законов термодинамики.

– Значит, законы неполны.

– Да. Или... – Чен снова помедлил, – ...или объект подчиняется другим законам.

– Каким?

– Мы называем это «инверсной стрелой времени». Гипотеза состоит в том, что для объекта – или для того, что его создало, – время течёт в обратном направлении. Их прошлое – наше будущее. И наоборот.

Крейг выслушал. Лицо осталось неподвижным.

– Это не всё, – вмешалась Ямамото. – Доктор Рен?

Светловолосая женщина подняла глаза. Впервые за весь разговор она посмотрела прямо на него – оценивающе, без эмоций.

– Объект несёт информацию, – сказала она. – Структурированную информацию. Паттерны, которые не могли возникнуть случайно.

– Какого рода паттерны?

– Лингвистического. – Она вывела на экран изображение – сложное переплетение форм и линий. – Это не просто объект. Это сообщение. Послание от... – она запнулась, – ...от кого-то.

– От кого?

– Не знаем. Пока.

Тишина. Крейг смотрел на экран, на хаос линий, который – по словам этой женщины – был посланием. Он ничего не видел. Только хаос.

Но он привык доверять специалистам. В своих областях.

– Предположим, это правда, – сказал он. – Предположим, кто-то отправил нам сообщение. Какие угрозы?

Учёные переглянулись.

– Угрозы? – переспросил Лоуренс. – Мы говорим о первом контакте с внеземным разумом. Это исторический момент, а не...

– Любой контакт – потенциальная угроза. – Крейг пере-

бил его без церемоний. – Неизвестный отправитель, неизвестные намерения, неизвестные возможности. В моей системе координат это определение угрозы.

– Генерал, – Ямамото подалась вперёд, – мы учёные, не военные. Наша задача – понять, что это такое. Не оценивать риски.

– Вот для этого я здесь.

Снова тишина. Напряжённая, неудобная.

– Позвольте уточнить, – сказал Чен. – Совет безопасности направил вас... с какой целью? Наблюдение? Консультации?

– Контроль. – Крейг достал планшет, положил на стол. – Приказ Совета безопасности номер 2147-Янус-7. С этого момента все исследования объекта подчиняются протоколу «Неизвестное-Альфа». Это означает: полную секретность, ограничение коммуникаций, обязательное согласование любых действий с моим офисом.

Лоуренс побагровел.

– Это возмутительно! Вы не можете просто прийти сюда и...

– Могу. – Крейг постучал по планшету. – Подписи всех трёх блоков. Атлантический союз, Тихоокеанская конфедерация, Южная коалиция. Единогласно.

Он обвёл взглядом собравшихся. Лоуренс – злой. Чен – настороженный. Аль-Рашид – непроницаемая. Ямамото – задумчивая.

И Рен. Она снова смотрела сквозь него, как будто этот раз-

говор – досадная помеха, отвлекающая от чего-то важного.

– Директор, – Крейг обратился к Ямамото. – Я здесь не для того, чтобы мешать вашей работе. Я здесь для того, чтобы убедиться, что ваша работа не создаст проблем, которые мы не сможем решить.

– Какого рода проблем?

– Любого рода. – Он встал. – Мне нужен полный доступ ко всем данным, ко всем системам, ко всему персоналу. И мне нужен ваш отчёт – подробный, без пропусков – к завтрашнему утру.

– Это невозможно. Объём данных...

– Найдите способ.

Он направился к выходу. На пороге остановился.

– Ещё одно. С этого момента любая коммуникация с Землёй проходит через мою группу. Без исключений.

Дверь закрылась за ним.

Каюта, выделенная ему, была маленькой, но функциональной. Койка, стол, терминал связи. Иллюминатор с видом на Юпитер.

Крейг сел за стол, не глядя на планету. Открыл планшет. Начал читать.

Отчёты. Данные. Гипотезы. Специалисты писали много – слишком много. Страницы формул, графиков, теоретических выкладок. Он пропускал детали, хватывая суть.

Объект. Неизвестное происхождение. Неизвестный состав. Поведение, нарушающее законы физики.

Возможный источник: разумная жизнь.

Возможное намерение: коммуникация.

Возможная угроза: не определена.

«Не определена». Худшая из формулировок. Означает: мы не знаем, чего бояться.

Крейг откинулся на спинку кресла. Потёр виски.

Сорок семь лет военной службы. Три конфликта. Бесчисленные операции – от антитеррористических рейдов до полномасштабных кампаний. Он видел всё, что люди могут сделать друг с другом. Научился оценивать риски, принимать решения, нести ответственность.

Но это было другое.

Это было *неизвестное*. Настоящее неизвестное – не пробел в разведанных, который можно заполнить, а фундаментальная неопределённость, которую нельзя устранить никакими средствами.

Он не знал, как с этим работать.

Но он знал одно: неопределённость – не повод бездействовать. Неопределённость – повод готовиться к худшему.

На следующий день он начал с обхода станции.

Лейтенант Мейерс – его связной офицер – шёл рядом, давая пояснения. Жилые модули. Технические отсеки. Науч-

ные лаборатории. Командный центр. Системы жизнеобеспечения.

Крейг слушал, запоминал, оценивал.

Станция была уязвима. Слишком много входов, слишком мало контрольных точек. Системы безопасности – базовые, рассчитанные на несчастные случаи, не на намеренное проникновение. Персонал – гражданские, без боевой подготовки.

– Сколько человек на станции? – спросил он.

– Две тысячи сто сорок семь по последней переписи. Плюс минус – люди приезжают и уезжают.

– Военные?

– Охранная группа, двадцать человек. Стандартный контракт с «Арес Секьюрити».

– Частники. – Крейг не скрывал неодобрения.

– Бюджетные ограничения, сэр. Государственный контингент обошёлся бы втрое дороже.

Бюджетные ограничения. Всегда бюджетные ограничения. Пока не случится что-то плохое – тогда деньги найдутся мгновенно.

– Мне нужен список всего персонала. С допусками, биографиями, текущими проектами.

– Это займёт время...

– У вас до вечера.

Мейерс кивнул. Он учился быстро.

Лаборатория Рен располагалась в исследовательском модуле – отдельная секция, защищённая дополнительным уровнем доступа.

Крейг вошёл без предупреждения.

Она сидела перед экраном, спиной к двери. Не обернулась, когда он вошёл. Не обернулась, когда он встал у неё за спиной.

– Доктор Рен.

– Генерал. – Голос ровный, без интонаций. – Чем могу помочь?

– Объясните мне, что вы делаете.

Она наконец повернулась. Посмотрела на него – тем же оценивающим взглядом, что и вчера.

– Вы читали отчёты.

– Я хочу услышать от вас.

Пауза. Она, кажется, решала, стоит ли тратить время. Потом кивнула.

– Смотрите.

На экране – хаотичные линии. Те же, что он видел вчера, но теперь движущиеся, меняющиеся.

– Это запись поверхности объекта. В прямом времени – нашем времени – она выглядит как распад. Структуры разрушаются, паттерны исчезают. – Она переключила изображение. – Но если воспроизвести запись в обратном порядке...

Хаос на экране начал собираться. Линии складывались в формы. Формы – в структуры. Структуры – в... что-то.

– ...мы видим создание. С точки зрения отправителя, это не распад. Это *письмо*.

Крейг смотрел. Он по-прежнему не видел смысла в линиях, но видел закономерность. Порядок там, где раньше был хаос.

– Вы уверены, что это намеренно?

– Вероятность случайного возникновения такой структуры – один к десяти в степени сто восемнадцать. – Она посмотрела на него. – Это намеренно.

– Что они говорят?

– Пока не знаю. Язык... – она запнулась, – ...их язык устроен иначе, чем наши. Не линейно. Не последовательно. Это займёт время.

– Сколько?

– Не знаю.

«Не знаю». Опять. Крейг сжал челюсти.

– Доктор Рен, я понимаю научную ценность вашей работы. Но меня интересует другое. Эти существа – какова их природа? Каковы их возможности? Каковы их намерения?

Она смотрела на него долго, молча.

– Вы хотите знать, опасны ли они.

– Да.

– Я не знаю. – Она подняла руку, прежде чем он успел возразить. – Я не знаю – и никто не знает. Мы имеем дело с

разумом, который существует в буквально *другом направлении времени*. Их логика, их ценности, их понимание причины и следствия – всё это может быть инверсно нашему. Оценивать их по нашим стандартам – всё равно что оценивать рыбу по способности летать.

– И всё же вы пытаетесь с ними общаться.

– Я пытаюсь их *понять*. Это разные вещи.

Крейг прошёлся по лаборатории. Маленькая, тесная, заваленная оборудованием. Не место для работы, которая может изменить судьбу человечества.

– Предположим, – сказал он, – вы их поймёте. Предположим, расшифруете послание. Что дальше?

– Дальше мы будем знать, что они хотят сказать.

– А если они хотят сказать что-то... нежелательное?

Рен нахмурилась.

– Нежелательное?

– Угрозу. Предупреждение. Ультиматум. – Крейг остановился напротив неё. – Вы думали об этом?

– Я думала о многом. – Её голос стал холоднее. – Но я учёный, генерал. Моя работа – искать истину, а не фильтровать её в зависимости от того, что нам удобно слышать.

– А моя работа – защищать людей от того, что может им навредить.

– Даже от знания?

– Если нужно – да.

Они смотрели друг на друга. Два взгляда, две филосо-

фии, две вселенные, столкнувшиеся в тесной лаборатории на краю Солнечной системы.

– Генерал, – сказала Рен наконец, – я уважаю вашу позицию. Но позвольте сказать кое-что. Тот, кто отправил это послание, сделал это миллионы лет назад – с их точки зрения. Или миллионы лет в будущем – с нашей. Они потратили невообразимые ресурсы, чтобы создать объект, способный пересечь границу между нашими мирами. Они не сделали бы этого ради угрозы. Угрозы дешевле.

– Тогда зачем?

– Не знаю. – Она отвернулась к экрану. – Но собираюсь выяснить.

Крейг постоял ещё мгновение. Потом развернулся и вышел.

Вечером он связался с Землёй.

Генерал Сато – его прямой начальник в Совете безопасности – выглядел уставшим. Разница в восемь часов и полчаса задержки сигнала не способствовали комфортному общению.

– Ваши первые впечатления?

– Станция не готова к кризису. Безопасность минимальная. Персонал – гражданские. – Крейг помедлил. – Но объект... объект реален. Это не мистификация, не ошибка измерений.

– Вы уверены?

– Насколько может быть уверен неспециалист. Люди здесь компетентны. Если они говорят, что это послание от внеземного разума, – я склонен верить.

Долгое молчание – не только из-за задержки.

– Совет обеспокоен, – сказал наконец Сато. – Информация просачивается. Слухи, домыслы. Журналисты копают. Рано или поздно история выйдет наружу.

– Понимаю.

– Нам нужно контролировать нарратив. Когда – и если – информация станет публичной, мы должны быть готовы. Чёткое объяснение, успокаивающий тон. Без паники.

– Без паники, – повторил Крейг. – А если повод для паники есть?

– Тогда тем более – без паники. Паника убивает больше людей, чем угрозы.

Крейг знал это. Видел это. Толпы, бегущие от опасности – реальной или воображаемой, – давящие друг друга в узких проходах, уничтожающие сами себя эффективнее любого врага.

– Что вы предлагаете?

– Пока – наблюдение. Сбор данных. Оценка рисков. – Сато посмотрел прямо в камеру. – Но будьте готовы к любому развитию событий. Если потребуется... сдерживание...

– Понял.

– И, Виктор...

– Да?

– Будьте осторожны. Эти учёные... они не понимают, с чем имеют дело. Для них это открытие. Для нас – потенциальная угроза существованию. Не дайте им забыть об этом.

Связь оборвалась.

Крейг остался сидеть в темноте, глядя на погасший экран.

Сдерживание. Вежливое слово для грязной работы.

Он надеялся, что до этого не дойдёт.

Ночью он не мог уснуть.

Вышел из каюты, прошёл по пустым коридорам станции.

В это время большинство персонала спало; только ночные смены работали, поддерживая системы жизнеобеспечения.

Он дошёл до обзорной палубы – небольшого помещения с панорамным окном, предназначенного для отдыха экипажа. Сейчас там было пусто.

Крейг встал у окна.

Юпитер. Огромный, полосатый, величественный. Буря размером с Землю бушевала в его атмосфере – красное пятно, видимое даже отсюда. Миллионы лет она бушевала. Миллионы лет ещё будет бушевать.

И где-то там, в пустоте, – объект. Маленькая точка. Послание.

От кого?

Зачем?

Крейг не был философом. Не был учёным. Он был солдатом – человеком, обученным защищать и уничтожать. Его жизнь строилась на простых принципах: свои и чужие, угроза и безопасность, приказ и исполнение.

Но здесь, на краю Солнечной системы, перед лицом чего-то непостижимого, эти принципы казались... недостаточными.

Что значит «угроза», если угрожающий существует в обратном времени? Что значит «защита», если мы не знаем, от чего защищаться?

Он вспомнил слова Рен: *«Оценивать их по нашим стандартам – всё равно что оценивать рыбу по способности летать».*

Может быть, она права. Может быть, привычные категории здесь не работают.

Но это не значит, что он откажется от них. Это значит только, что нужно быть осторожнее.

Дверь за его спиной открылась.

– Не спится?

Он обернулся. Рен стояла в проёме – в том же комбинезоне, что и днём, с тёмными кругами под глазами.

– Вам тоже.

Она подошла, встала рядом у окна. Молча. Без попытки завязать разговор.

Крейг оценил это. Слишком много людей чувствовали необходимость заполнять тишину словами. Она – нет.

Они стояли так несколько минут. Два человека, смотрящих на одну и ту же планету, думающих о совершенно разных вещах.

– Вы считаете меня врагом, – сказал он наконец. Не вопрос – утверждение.

– Я считаю вас препятствием. – Она не отвела взгляда от окна. – Это разные вещи.

– Для работы?

– Для истины.

Крейг хмыкнул. Почти улыбка.

– А если истина опасна?

– Ложь опаснее. – Она повернулась к нему. – Генерал, я не наивна. Я понимаю, зачем вы здесь. Понимаю, чего боитесь ваш Совет безопасности. И я не собираюсь им мешать – делайте свою работу, как считаете нужным. Но не мешайте мне делать мою.

– Это условие?

– Это просьба. – Она чуть склонила голову. – От одного профессионала другому.

Крейг рассмотрел её внимательнее. Усталое лицо. Серые глаза. Что-то в них – не враждебность, но и не дружелюбие. Что-то... пустое. Как выжженная земля.

Он узнал это выражение. Видел его в зеркале. После миссий, которые шли не так. После решений, за которые платили другие.

Потеря. Эта женщина что-то потеряла. Что-то важное.

– Хорошо, – сказал он. – Работайте. Но держите меня в курсе. Любые открытия – сначала мне, потом всем остальным.

– Договорились.

Она развернулась и ушла. Без прощания, без лишних слов.

Крейг остался у окна.

Юпитер продолжал вращаться. Буря продолжала бушевать. Вселенная продолжала быть огромной, пустой и совершенно равнодушной к человеческим тревогам.

Но где-то там, в этой пустоте, кто-то пытался говорить.

И он должен был решить, что делать с их словами.

На третий день Крейг собрал совещание.

Все ключевые сотрудники – Ямамото, Чен, Лоуренс, Аль-Рашид, Рен. Плюс его собственная команда – Мейерс и двое аналитиков, прибывших со станции снабжения.

– Протокол безопасности, – объявил он. – Новые правила, вступающие в силу немедленно.

Лоуренс открыл рот – и закрыл под взглядом Ямамото.

– Первое. Вся информация об объекте классифицируется как «секретно». Никаких публикаций, никаких внешних консультаций, никаких утечек. Нарушители будут отстранены и отправлены на Землю.

– Это замедлит работу, – заметила Аль-Рашид. – Нам нуж-

ны внешние ресурсы. Вычислительные мощности, специалисты...

– Ресурсы будут предоставлены. Через официальные каналы, под контролем моей группы.

– Второе. – Крейг вывел на экран схему станции. – Исследовательский модуль переводится на усиленный режим доступа. Вход только по биометрической идентификации, список допущенных – двадцать три человека. Без исключений.

– Кто составлял список? – спросила Ямамото.

– Я. В консультации с вами и доктором Ченом.

Она кивнула. Не одобрение – принятие.

– Третье. Все данные об объекте хранятся на изолированных серверах. Копирование запрещено. Удалённый доступ запрещён.

– Это паранойя, – сказал Лоуренс. – Мы учёные, не шпионы.

– Вы люди. – Крейг посмотрел на него. – А люди делают ошибки. Случайно или намеренно – неважно. Моя задача – минимизировать последствия.

– А если информация действительно утечёт? – спросил Чен. – Что тогда?

– Тогда мы будем реагировать. По ситуации.

Он не сказал, как именно. Не нужно было. Все понимали.

– И последнее. – Крейг выключил экран. – Я знаю, что многие из вас недовольны моим присутствием. Я не прошу любить меня. Не прошу соглашаться с моими методами. Я

прошу только одного – сотрудничества. Мы все хотим одного и того же: понять, с чем мы имеем дело. Разница в том, что вы думаете о возможностях, а я – о рисках. Нам нужны оба взгляда.

Тишина.

Потом Рен сказала:

– Разумно.

Все посмотрели на неё – кто с удивлением, кто с раздражением.

– Он прав, – продолжила она. – Мы не знаем, с чем имеем дело. Осторожность – не паранойя. Осторожность – профессионализм.

Крейг кивнул. Одной союзницей больше. Неожиданной союзницей, но всё же.

– Совещание окончено. Все свободны.

Ямамото задержалась после того, как остальные ушли.

– Генерал, – сказала она, – вы понимаете, что это может быть важнейшее событие в истории человечества?

– Понимаю.

– И всё же вы относитесь к нему как к военной операции.

– Потому что я солдат. – Крейг посмотрел на неё. – Директор, я не буду извиняться за то, кто я есть. Вы изучаете неизвестное. Я защищаю от него. Это наши роли. Они не обязаны пересекаться.

– Но они пересеклись. Здесь, сейчас.

– Да. И мы должны научиться работать вместе.

Ямамото помолчала.

– Вы боитесь, – сказала она. – Не знаю, чего именно. Но я вижу. За всей этой бронёй – страх.

Крейг не ответил. Не потому что она была права.

– Страх – не слабость, – продолжила она. – Страх – это здравый смысл. Но не позволяйте ему управлять вами.

Она вышла.

Крейг остался стоять в пустом зале совещаний.

Страх. Да, она была права. Он боялся.

Не объекта. Не существ из обратного времени. Не того, что они могут сказать.

Он боялся того, что они могут сделать с человечеством. Не физически – идеологически. Знание о том, что мы не одни, что есть кто-то *другой*, что вселенная больше и сложнее, чем мы думали, – это знание меняет людей. Не всегда к лучшему.

Он видел, как идеи разрывают общества. Как вера превращает соседей во врагов. Как истина – или то, что люди считают истиной, – становится оружием страшнее любой бомбы.

Если это послание содержит что-то, что можно использовать, – его используют. Если содержит что-то, что можно исказить, – исказят. Если содержит что-то, что может разделить, – разделят.

Его работа – убедиться, что этого не случится.

Или, по крайней мере, что он сделал всё возможное.

Той ночью ему приснился сон.

Он стоял на краю бездны – бесконечной, чёрной, холодной. Звёзды мерцали вдали, слишком далёкие, чтобы согреть.

Из бездны поднималось что-то. Не объект – *присутствие*. Огромное, древнее, совершенно чуждое.

Оно смотрело на него.

У него не было глаз. Не было лица. Не было ничего, что можно было бы назвать телом. Но оно смотрело – и он знал это так же точно, как знал собственное имя.

Зачем вы здесь? – спросило присутствие. Не словами – чем-то более глубоким.

– Защищать, – ответил он.

От чего?

– От вас.

Присутствие молчало. Потом:

Вы не знаете, что мы такое.

– Нет.

Тогда как вы можете защищать?

Он не нашёл ответа.

Присутствие начало отступать – или он начал падать, он не мог понять.

Мы не угрожаем, – сказала оно напоследок. – *Мы преду-*

преждаем. О том, что придёт. О том, что уже было. Для нас – для вас.

– Что?! – крикнул он. – Что придёт?!

Но бездна уже поглотила его.

Он проснулся в холодном поту.

За иллюминатором светился Юпитер. Вечный, неизменный.

Крейг лежал в темноте и смотрел на него.

Мы предупреждаем.

Просто сон. Просто игра подсознания.

И всё же – слова не отпускали.

Он встал, подошёл к терминалу. Открыл досье.

Доктор Анна Рен. Лингвист-математик. Вдова. Одна дочь – погибла десять лет назад. Авария.

Потеря. Он был прав.

И она была здесь, на краю известного мира, пытаясь прочитать послание от существ из другого времени.

Может быть, она искала ответы.

Может быть, она искала что-то ещё.

Он закрыл досье.

Что бы она ни искала – он должен быть готов к тому, что она найдёт.

Глава 5: Язык распада

Станция «Янус», орбита Юпитера Май – август 2147 года

Три месяца.

Девяносто два дня. Две тысячи двести восемь часов. Сто тридцать две тысячи четыреста восемьдесят минут.

Анна считала время не потому, что это имело значение, а потому, что счёт помогал не сойти с ума.

Она работала. Каждый день, каждую ночь – понятия, которые на станции «Янус» были чистой условностью. Вставала, когда тело отказывалось лежать. Ложилась, когда глаза переставали фокусироваться на экране. Ела, когда кто-нибудь – обычно Фатима – ставил перед ней тарелку и не уходил, пока она не начинала есть.

Паттерны на экране не поддавались.

Она видела структуру – видела с первого дня. Иерархию уровней, повторяющиеся элементы, закономерности распределения. Всё это указывало на язык. На систему, созданную для передачи смысла.

Но смысл ускользал.

Каждый раз, когда ей казалось, что она ухватила что-то – закономерность, правило, принцип, – оно рассыпалось при

проверке. Гипотезы, которые работали для одной части данных, не работали для другой. Модели, объяснявшие один набор паттернов, противоречили следующему.

Язык ретроградов – она начала называть их так, вслед за Ченом – не подчинялся ничему из того, что она знала.

И она знала много.

Тридцать лет работы с языками. Древние письменности, мёртвые языки, системы записи, которые не использовались тысячелетиями. Она расшифровывала тексты, которые считались нерасшифровываемыми. Находила закономерности там, где другие видели хаос.

Но это было *человеческое*. Все языки, с которыми она работала, создавались людьми. Существами, которые воспринимали мир так же, как она. Которые думали последовательно, от причины к следствию, от прошлого к будущему.

Ретрограды были другими.

Их время текло в обратном направлении. Их причинность была инверсной. Их способ мышления – если это вообще можно было назвать мышлением – строился на принципах, которые её мозг отказывался понимать.

Как расшифровать язык существа, для которого следствие предшествует причине?

На двадцать седьмой день она попробовала новый подход. Вместо того чтобы искать статические элементы – буквы,

символы, знаки, – она начала отслеживать динамику. Как паттерны менялись со временем. Какие трансформации они претерпевали. Какие пути проходили от одного состояния к другому.

Результаты были... странными.

Паттерны не просто менялись – они *эволюционировали*. Каждый элемент проходил через серию состояний, и эти состояния были связаны между собой не случайно. Как если бы каждый символ был не точкой, а траекторией. Не буквой, а историей буквы.

Она показала результаты Чену.

– Посмотрите на это. – На экране вращалась трёхмерная модель: один паттерн, развёрнутый во времени. – Это не статический элемент. Это процесс. Он начинается здесь, – она указала на одну точку, – проходит через эти состояния, – линия изгибалась, – и заканчивается здесь.

Чен нахмурился.

– И что это значит?

– Не знаю. Но смотрите – вот другой элемент. – Она вывела вторую модель рядом с первой. – Тот же принцип. Начало, трансформация, конец. Но путь – другой. Форма траектории – другая.

– Вы думаете, что смысл закодирован не в самих формах, а в том, как они меняются?

– Думаю, что для них нет разницы. – Анна откинулась на спинку кресла. – Для нас символ – это состояние. Фиксиро-

ванное, неизменное. Буква «А» – это буква «А», независимо от того, когда и как вы её написали. Но для существ с обратным временем... – она искала слова, – ...для них, возможно, *процесс* и есть символ. Не то, что есть, а то, как оно становится.

Чен молчал, обдумывая.

– Это объясняет, почему ваши статические модели не работают, – сказал он наконец. – Вы пытались выделить буквы, а они не используют буквы.

– Они используют *изменения*. Динамику. Становление.

– Можете это формализовать?

Анна посмотрела на экран. На две траектории, вращающиеся рядом. Две истории, рассказанные формой.

– Попробую.

Формализация заняла три недели.

Она работала с математиками станции – небольшой группой, которая обычно занималась орбитальными расчётами и моделированием атмосферы Юпитера. Они не понимали, что она пытается сделать, но могли переводить её интуиции в уравнения.

Результатом стала система, которую она назвала «процессуальной семиотикой».

Идея была простой – в теории. Вместо того чтобы рассматривать паттерны как статические объекты, она рассмат-

ривала их как функции времени. Каждый элемент описывался не набором координат, а траекторией в пространстве состояний. Смысл кодировался не в форме траектории, а в её *характеристиках*: кривизне, скорости изменения, точках перегиба.

На практике это означало совершенно новый способ смотреть на данные.

– Представьте, – объясняла она Фатиме, – что вместо того, чтобы читать книгу, вы смотрите, как она пишется. Не буквы на странице – движение руки, которая их выводит. Наклон пера, давление, ритм. Для нас это побочная информация, шум. Для них – это и есть текст.

– То есть они буквально *пишут* движением?

– Они пишут *изменением*. Их письменность – это не набор знаков, а набор процессов. Динамических процессов, каждый из которых имеет начало, развитие и конец.

Фатима потёрла виски.

– У меня от этого голова болит.

– У меня тоже. – Анна почти улыбнулась. – Три месяца болит.

Новый подход начал давать результаты.

Медленно, мучительно медленно – но результаты.

Анна выделила двадцать три базовых траектории – процесса, которые повторялись чаще всего и, вероятно, несли

базовый смысл. Аналоги букв или, точнее, аналоги корней – фундаментальных единиц значения.

Она присвоила им номера: П-1, П-2, П-3 и так далее. Не имена – имена предполагали бы понимание смысла, которого у неё пока не было.

Потом она начала искать комбинации.

Траектории не существовали изолированно – они сплетались, накладывались друг на друга, образуя более сложные структуры. Как буквы складываются в слова, а слова – в предложения.

Но принцип комбинирования был другим.

В человеческих языках элементы следуют друг за другом: А, потом Б, потом В. Линейная последовательность. У ретроградов траектории существовали *одновременно*, в одном и том же «сейчас». Они не следовали друг за другом – они *взаимодействовали*.

Анна назвала это «резонансом».

Две траектории, развивающиеся параллельно, влияли друг на друга. Точки их сближения создавали «гармоники» – вторичные паттерны, возникающие из взаимодействия. И эти гармоники тоже несли смысл.

Это было как музыка. Не последовательность нот, а аккорд – несколько звуков одновременно, создающих нечто большее, чем сумма частей.

– Их язык полифоничен, – сказала она Чену на очередном совещании. – Они не говорят по одному слову за раз. Они

говорят... – она искала аналогию, – ...хором. Несколько смыслов одновременно, переплетающихся и создающих общую картину.

– Как это вообще возможно? – спросил Лоуренс. – Как можно воспринять несколько сообщений одновременно?

– Для нас – сложно. Наше сознание в основном линейно. Но у них... – Анна пожала плечами. – Их сознание, вероятно, устроено иначе. Может быть, параллельная обработка информации для них так же естественна, как для нас – последовательная.

– Или, – добавил Чен, – их восприятие времени позволяет им видеть «одновременность» там, где мы видим последовательность. Если их «сейчас» охватывает больший интервал, чем наше...

– То они воспринимают как единое целое то, что мы воспринимаем как поток, – закончила Анна. – Да. Это согласуется с гипотезой.

Крейг, присутствовавший на совещании – он присутствовал на всех совещаниях теперь, молчаливый, наблюдающий, – наконец заговорил:

– Практический вопрос. Вы приближаетесь к расшифровке?

Анна выдержала его взгляд.

– Я приближаюсь к пониманию *структуры*. Расшифровка – следующий шаг.

– Когда?

– Не знаю.

Она видела, как он сжал челюсти. Привык к чётким ответам, к срокам и планам. Научная работа не подчинялась его категориям.

– Генерал, – сказала она, – я понимаю ваше нетерпение. Но вы просите меня прочитать текст на языке, который не просто иностранный – он создан существами с принципиально иным способом мышления. Это не шифр, у которого есть ключ. Это целая вселенная, которую нужно понять.

– Вселенная, которая может быть опасной.

– Или нет. В том-то и дело. Пока я не пойму – не узнаем.

Крейг кивнул. Коротко, сухо. Принял, но не согласился.

На шестьдесят четвёртый день Анна осознала, что ошибалась.

Не полностью – процессуальный подход был верным. Но она упускала что-то важное. Что-то фундаментальное.

Она сидела в лаборатории, глядя на экран, на котором вращались траектории П-7 и П-12 – две из базовых единиц, которые часто встречались вместе. Их гармоника создавала красивый, сложный узор. Но узор не *значил* ничего, что она могла бы понять.

Почему?

Она откинулась в кресле, закрыла глаза. Мысли текли – беспорядочно, хаотично, как и положено мыслям усталого

мозга.

Процесс. Изменение. Становление.

Но становление – чего?

Вопрос зацепил что-то. Она открыла глаза.

Становление – чего?

Она думала о траекториях как о процессах в абстрактном смысле. Изменение ради изменения. Но процесс всегда имеет направление. Точку А и точку Б. Начало и конец.

Что если смысл кодируется не в самом процессе, а в *направлении*? Не в том, как траектория изгибается, а в том, *куда* она ведёт?

Она вернулась к данным.

П-7. Начальное состояние – рассеянное, хаотичное. Конечное – собранное, упорядоченное. Траектория вела от беспорядка к порядку.

П-12. Начальное состояние – единое. Конечное – разделённое. Траектория вела от целого к частям.

От беспорядка к порядку. От целого к частям.

Анна замерла.

Они описывают не изменение. Они описывают отношения.

П-7 – «собираение». Нечто, что было рассеяно, становится единым.

П-12 – «разделение». Нечто, что было единым, становится многим.

Не абстрактные процессы – *семантические категории*.

Способы описывать мир. Глаголы, существительные, прилагательные – выраженные через динамику, а не через форму.

Она бросилась к терминалу.

Следующие две недели она не спала.

Почти буквально – урывки по два-три часа, когда тело отказывалось функционировать. Фатима и Чен несколько раз пытались увести её в каюту; она отказывалась. Работа захватила её – так, как не захватывало ничего много лет.

Она перебирала траектории одну за другой, анализируя их направленность. Откуда они начинались и куда приходили. Какие состояния связывали.

Постепенно проступала система.

Траектории делились на классы. Одни описывали *изменение состояния*: от хаоса к порядку, от покоя к движению, от единства к множеству. Другие – *отношения между объектами*: сближение, отдаление, охват, пересечение. Третьи – *модификации*: усиление, ослабление, повторение, отрицание.

Это была грамматика. Настоящая грамматика – не человеческая, но функционально эквивалентная.

Глаголы. Существительные. Модификаторы.

И способ их соединять – резонанс, гармоника, одновременность.

Язык начинал обретать форму.

На семьдесят девятый день она собрала команду.

– У меня есть гипотеза, – сказала она. – О первом слове.

Фатима подняла бровь.

– Первом слове?

– Первом слове, которое я могу попытаться расшифровать. – Анна вывела на экран изображение – сложную структуру из переплетённых траекторий. – Это паттерн, который повторяется чаще всего. Семнадцать раз в наших данных. И каждый раз – в начале более крупной структуры.

– Как заглавная буква? – предположил Чен.

– Как... обращение. Или подпись. Что-то, указывающее на отправителя.

Она разложила структуру на составляющие. Три базовые траектории, сплетённые в единый узор.

– П-3. Направленность: от множества к единству. Гипотетическое значение: «собираание», «объединение», или просто «многие-становятся-одним».

– П-9. Направленность: от внешнего к внутреннему. Гипотетическое значение: «включение», «вмещение», «быть частью».

– П-17. Направленность: от статики к динамике. Гипотетическое значение: «активация», «осознание», «жизнь».

Она помолчала, давая им время осмыслить.

– Вместе, в резонансе, они создают гармонику, которая...

– она указала на вторичный паттерн, – ...описывает нечто, что объединяет многих, включает их в себя, и при этом является активным, живым.

– Коллективное сознание? – спросила Фатима.

– Или просто «мы». – Анна посмотрела на экран. – Группа разумных существ, действующих вместе. Сообщество. Цивилизация.

Тишина.

Потом Чен сказал:

– Вы хотите сказать, что первое слово – это...

– Местоимение. Первого лица множественного числа. –

Анна кивнула. – «Мы».

Проверка заняла ещё неделю.

Анна не хотела ошибиться. Не хотела выдать желаемое за действительное, увидеть смысл там, где его нет. Она проверяла и перепроверяла, искала альтернативные интерпретации, тестировала гипотезу на других данных.

Результаты подтверждались.

Паттерн «мы» – она позволила себе называть его так, пусть и с оговорками – появлялся в начале каждой крупной структуры. Как подпись. Как идентификатор отправителя.

Мы говорим.

Мы обращаемся.

Мы – те, кто отправляет это послание.

И это было только начало.

Зная базовую единицу, она могла искать её варианты. Модификации, изменения, комбинации с другими элементами.

Она нашла структуру, где «мы» сочеталось с траекторией П-12 – «разделение». «Мы-разделённые»? «Мы-многие»?

Нашла структуру, где «мы» сочеталось с П-7 – «собира-ние». «Мы-объединённые»? «Мы-единые»?

Нашла структуру, где «мы» модифицировалось траекто-рией интенсификации. «Мы-усиленные»? «Мы-все»?

Каждая находка открывала новые вопросы. Но это были *правильные* вопросы. Вопросы, ведущие к пониманию.

Она работала ночью – по стационарному времени, хотя за окном лаборатории всегда была одна и та же картина: чёрная пустота, звёзды, край Юпитера на периферии.

Данные на экране. Траектории, сплетающиеся в узоры. Узоры, складывающиеся в... что?

Послание.

Анна отодвинулась от терминала. Потёрла глаза.

Три месяца. Тысячи часов. И одно слово.

«Мы».

Звучало жалко. Три месяца работы – и единственный ре-зультат.

Но она знала, что это не так. Одно слово – это прорыв. Это точка опоры, от которой можно оттолкнуться. Это дока-

зательство того, что расшифровка *возможна*.

Она встала, прошлась по лаборатории. Ноги затекли от долгого сидения; спина ныла; в висках пульсировала тупая боль. Тело требовало отдыха, но разум отказывался подчиняться.

Мы.

Кто – «мы»? Сколько их? Как они выглядят, как думают, как живут?

Вопросы без ответов. Пока – без ответов.

Она подошла к окну. Юпитер висел в пустоте – огромный, полосатый, равнодушный. Буря размером с Землю медленно вращалась в его атмосфере.

Где-то там, в направлении галактического центра, существовали *они*. Существа с обратной стрелой времени. Существа, которые помнили будущее и не знали прошлого. Существа, которые создали артефакт – письмо, бутылку в океане космоса – и отправили его через бездну.

Мы.

Они хотели, чтобы их слышали. Хотели, чтобы кто-то – может быть, именно люди, а может быть, любой, кто окажется достаточно близко – узнал о них.

Зачем?

Анна не знала. Пока не знала.

Но она собиралась выяснить.

На следующее утро она представила результаты команде.

Конференц-зал был полон – не только ключевые сотрудники, но и младшие исследователи, техники, даже несколько человек из административного персонала. Слухи о прорыве распространились быстро.

Крейг сидел в первом ряду. Молчаливый, внимательный.

– Три месяца назад, – начала Анна, – я заявила, что артефакт несёт послание. Структурированную информацию, организованную как язык. Сегодня я могу подтвердить это заявление.

Она вывела на экран изображение – паттерн «мы» во всех его вариациях.

– Это – первое слово, которое удалось расшифровать. Местоимение первого лица множественного числа. «Мы».

Тишина. Потом – шёпот, переглядывания.

– Я понимаю, – продолжила Анна, – что одно слово может показаться незначительным результатом. Но позвольте объяснить, почему это важно.

Она переключила экран.

– Язык ретроградов устроен принципиально иначе, чем наши языки. Их базовые единицы – не статические символы, а динамические процессы. Траектории изменения. Их грамматика основана не на последовательности, а на одновременности – резонансе нескольких процессов, создающих гармоники.

Она показала схемы, объяснила принципы, привела при-

меры. Говорила пятнадцать минут, не глядя в записи – всё это было в её голове, прожито и осмыслено за бессонные недели.

– Расшифровка слова «мы» – это не просто результат, – заключила она. – Это *метод*. Теперь я знаю, как подходить к остальным элементам. Работа ускорится.

Чен поднял руку.

– Доктор Рен, есть ли у вас оценка – сколько времени потребуется для полной расшифровки?

– Нет. – Она покачала головой. – Слишком много неизвестных. Но... – она помедлила, – ...недели. Может быть, месяцы. Не годы.

Лоуренс присвистнул.

– Это... быстрее, чем я ожидал.

– Самое сложное – понять принципы. Когда принципы ясны, остальное – техническая работа.

Крейг встал.

– Доктор Рен, – его голос прозвучал громче, чем обычно, – я хочу, чтобы все присутствующие понимали: то, что вы сейчас слышали, классифицировано как «совершенно секретно». Никаких обсуждений за пределами этой комнаты. Никаких записей на личных устройствах. Никаких сообщений на Землю без моего одобрения.

Несколько человек недовольно поморщились, но никто не возразил. К режиму Крейга уже привыкли.

– Доктор Рен, – он повернулся к ней, – продолжайте ра-

боту. И держите меня в курсе. *Постоянно.*

Она кивнула.

Совещание закончилось.

Той ночью Анна впервые за три месяца позволила себе отдых.

Не сон – настоящий сон требовал полного отключения, а её мозг отказывался отключаться. Но отдых. Она сидела в каюте, с чашкой чая в руках, и смотрела в иллюминатор.

Звёзды. Тысячи, миллионы звёзд. Каждая – солнце, возможно, с планетами, возможно, с жизнью.

И где-то там – *они.*

Мы.

Первое слово. Первый контакт – не физический, но информационный. Первое доказательство того, что человечество не одиноко во вселенной.

Она должна была чувствовать что-то. Триумф, гордость, радость. Историческое достижение – не каждый день расшифровываешь первое слово внеземного языка.

Но она чувствовала только усталость. И что-то ещё – что-то глубокое, тёмное, что она не хотела исследовать.

Майя.

Имя пришло само – как всегда. Как каждую ночь, когда защиты слабели и прошлое просачивалось сквозь щели.

Она работала. Работала, чтобы не думать. Работала, чтобы

не чувствовать. Три месяца погружения в чужой язык – и ни одной мысли о дочери. Почти ни одной.

Но теперь, в тишине каюты, мысли возвращались.

Зачем ты здесь?

Она говорила Дэвиду, что работа помогает. И это было правдой – но не всей правдой.

Она искала что-то. Не понимая, что именно. Не признаваясь себе.

Ответы? Смысл? Доказательство того, что вселенная не просто бессмысленный хаос, в котором двадцатидвухлетние девочки погибают в авариях?

Или просто – бегство. Шестьсот миллионов километров между ней и могилой на кладбище в Копенгагене.

Анна отпила чай. Остывший, горький.

«Мы», – подумала она. – Они говорят «мы». Они – сообщество, цивилизация, группа разумных существ, связанных чем-то большим, чем индивидуальное существование.

А я?

Я – одна. Уже десять лет.

Она поставила чашку на стол. Встала. Подошла к столу, где лежал планшет с данными.

Работа. Работа помогает.

Она открыла файлы и начала просматривать паттерны, которые ещё предстояло расшифровать.

Следующие недели принесли новые результаты.

«Мы» было ключом – точкой отсчёта, от которой расходились нити понимания. Зная один элемент, Анна могла искать его связи с другими. Как он модифицировался, с чем сочетался, в каких контекстах появлялся.

Второе слово пришло на пятый день после первого: траектория, которая часто следовала за «мы». Направленность – от настоящего к прошлому-будущему (понятия, которые для ретроградов были инверсны). Гипотетическое значение: «помнить» или «знать-из-опыта».

Мы помним.

Третье слово – на восьмой день. Траектория, указывающая на внешний объект. «Вы» или «они» – объект, отличный от говорящего.

Мы помним вас.

Анна смотрела на экран, на три слова, выстроившихся в последовательность, и чувствовала, как волоски на руках поднимаются.

Мы помним вас.

Послание. Настоящее послание. Не абстрактная информация – обращение. К кому-то. К людям? К любому, кто найдёт артефакт?

Она работала дальше.

Четвёртое слово. Пятое. Шестое.

Каждое новое открытие ускоряло следующее. Язык разворачивался перед ней – странный, инопланетный, но всё

более понятный. Она начинала *чувствовать* его логику, его ритм, его красоту.

Потому что это *была* красота. Не человеческая – но красота. Элегантность системы, в которой каждый элемент связан с каждым другим, где смысл возникает из взаимодействия, где целое больше суммы частей.

Она ловила себя на том, что думает на этом языке. Формулирует мысли траекториями и резонансами. Видит мир как поток процессов, а не набор объектов.

Это было пугающе.

И завораживающе.

На сотый день она расшифровала достаточно, чтобы понять общую структуру послания.

Оно состояло из трёх частей.

Первая – *идентификация*. Кто они такие, откуда, что собой представляют. Анна прочитала это как длинное, сложное введение, полное терминов и концепций, которые она пока не понимала.

Вторая – *обращение*. К тем, кто найдёт артефакт. К нам – к людям, или к любому разумному виду с прямой стрелой времени.

Третья – *содержание*. Само сообщение. То, что они хотели передать.

Третья часть была самой длинной и самой сложной. Ан-

на видела её структуру, но не понимала смысла – слишком много незнакомых элементов, слишком много контекста, который она ещё не расшифровала.

Но одну фразу она поняла.

Фразу, которая повторялась в начале третьей части. Ключевую фразу, задающую тон всему посланию.

Мы помним вас. Мы скорбим.

Она показала результаты Чену поздно вечером, когда станция затихала.

Он долго смотрел на экран. На два предложения, выведенных крупным шрифтом.

Мы помним вас.

Мы скорбим.

– Скорбят, – повторил он тихо. – О чём?

– Не знаю. – Анна покачала головой. – Контекст ещё не расшифрован. Но...

– Но?

– «Помним» – это не просто «знаем». В их языке это... – она поискала слова, – ...это «знаем-из-прожитого-опыта». Они не просто *слышали* о нас. Они *встречали* нас. Или встретят. С их точки зрения – уже встречали.

Чен медленно опустился в кресло.

– Вы хотите сказать...

– Контакт, – сказала Анна. – С их точки зрения – контакт

уже произошёл. Они помнят его. Помнят *нас*.

– И скорбят.

– Да.

Тишина. За окном лаборатории Юпитер продолжал своё вечное вращение.

– Это может значить многое, – сказал Чен наконец. – Может быть, они скорбят о чём-то, что случилось *до* контакта. Или *после*. С их временной точки зрения...

– Я знаю. – Анна кивнула. – Слишком рано делать выводы. Нужно расшифровать больше.

– И всё же...

– И всё же это тревожит. – Она посмотрела на него. – Да, доктор Чен. Это тревожит меня тоже.

Он встал, прошёлся по лаборатории.

– Крейгу нужно знать.

– Знаю. Я доложу завтра.

– Он... – Чен помедлил. – Он воспримет это как подтверждение своих страхов. Угроза. Опасность. Причина для... сдерживания.

– Возможно. Но это не изменит правду.

– Какую правду?

Анна снова посмотрела на экран. На два предложения, пришедших из другого мира, из другого времени, от существ, которых она никогда не видела и, вероятно, никогда не увидит.

Мы помним вас. Мы скорбим.

– Правду о том, что мы не одни, – сказала она. – И о том, что те, кто знает нас, – скорбят. Что бы это ни значило.

Она выключила экран.

– Идите спать, доктор Чен. Завтра будет долгий день.

Но сама она не пошла спать.

Осталась в лаборатории. Сидела в темноте, глядя на погасший экран.

Мы скорбим.

Слово «скорбь» было... неожиданным. Не тем, что она ожидала найти в послании от инопланетного разума. Не информацией о технологиях или научных открытиях. Не предупреждением о космических угрозах. Не приглашением к сотрудничеству.

Скорбь.

Эмоция. Человеческая – или казавшаяся человеческой – реакция на потерю.

Они скорбели. Существа с обратным временем, из мира, где энтропия убывала, где следствие предшествовало причине, – они *скорбели*.

О чём?

О ком?

Анна не знала. Но она чувствовала – где-то глубоко, на уровне интуиции, которая не подчинялась логике, – что ответ будет важным.

Важным для неё лично.

Она не знала почему. Не могла объяснить.

Но она чувствовала.

И это пугало её больше, чем всё остальное.

Forasé proizad

Ŕa Paŕetne carpaiehe alŕ.
Therpaŕe pupah za' plessias,
oapioe paes gore pame,

Глава 6: Мужчина, который ждал

Элизиум-Сити, Марс 12 сентября 2147 года

Томас Рен проснулся с именем дочери на губах.

Это происходило часто – чаще, чем он признавался даже себе. Сны о Майе были яркими, детальными, настолько реальными, что в первые секунды после пробуждения он не мог понять, где находится. Потолок каюты – низкий, серый, с мигающим индикатором системы жизнеобеспечения – возвращал его в реальность медленно, неохотно.

Марс. Элизиум-Сити. Третий год добровольной ссылки.

Он сел на край койки, потёр лицо руками. Часы на стене показывали 05:47 по марсианскому времени – слишком рано, чтобы начинать день, слишком поздно, чтобы пытаться заснуть снова.

За окном – тонким, армированным, рассчитанным на перепады давления – розовело марсианское небо. Солнце ещё не взошло, но горизонт уже светился: персиковый, переходящий в фиолетовый, а выше – в глубокую синеву, которой на Земле не бывает. Красиво. Он давно перестал замечать.

Томас встал, прошёл в крошечный санузел, плеснул в лицо водой. Зеркало показало то, что он видел каждое утро: пятидесятичетырёхлетний мужчина с тёмными кругами под

глазами и сединой, которая за последние три года захватила виски и начала наступление на макушку. Когда-то его называли привлекательным – высокие скулы, яркие карие глаза, улыбка, которая располагала к себе незнакомцев за минуты. Теперь он выглядел как человек, который слишком долго бежал от чего-то и понял, что убежать невозможно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.